

МАЙ 30 1939 г. ВТОРНИК № 30 (809) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

На днях состоялся очередной пленум ЦК ВКП(б). Пленум обсудил вопросы: а) о мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания, б) о подготовке к уборке урожая и заготовкам с.-х. продуктов, в) о сформировании Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б), г) о проведении выборов в местные Советы депутатов трудящихся и принял соответствующие решения.

Пленум одобрил проекты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР а) о мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания и б) о подготовке к уборке урожая и заготовкам с.-х. продуктов.

Труд, культура, военная мощь

Бюджет каждой страны является зеркалом, в котором отражаются все стремления государства, все его интересы, все его внутренняя и внешняя политика. Это, разумеется, относится и к нашему бюджету. Но в то время, как в капиталистических странах — это бюджет дальнейшего обнищания масс и широкого обогащения кучки капиталистов, бюджет войны, у нас — это бюджет роста народного благосостояния, культуры и оборонной мощи.

Естественно, что бюджет любой капиталистической страны меньше всего представлен разделом социально-культурных мероприятий. Расходы на просвещение всегда здесь незначительны. В нашем же бюджете, утвержденном Верховным Советом СССР, расходы на социально-культурные мероприятия запланированы в размере 38,5 млрд. рублей, а средства, отпускаемые на просвещение, стоят здесь на первом месте. Причем они растут из года в год. Даже по сравнению с прошлым годом они увеличены больше чем на три миллиарда.

Известный американский прогрессивный писатель Поль де Крюн, автор книг «Борьба со смертью», «Стоит ли им жить» и др., писал недавно в статье, опубликованной в «Литературной газете», что он задумал целый ряд важных мероприятий по народному здравоохранению у себя в стране. Он заручился поддержкой соответствующего министра, но он заранее знает, что все его благие намерения ни к чему не приведут, ибо финансовым законам нет никакого дела до жизни сотен тысяч рабочих и их детворы. Это заявление особенно интересно теперь, когда опубликованы цифры расходов на народное здравоохранение в СССР. В прошлом году на эти цели было израсходовано 7,6 млрд. Но в этом году ассигнования на народное здравоохранение увеличиваются почти на 16 проц. и доходят до 8,8 млрд. рублей. Советский народ реально ощущает преимущества социалистической системы перед капиталистической.

Бюджеты капиталистических государств, в первую очередь фашистских, отражают всю их немощь. Здесь почти как правило расходы больше доходов и государственные долги непрерывно растут. Дефицит итальянского бюджета, например, превысил 16 млрд. лир. Государственный долг Германии увеличился на 10 млрд. марок, Японии — на 6,5 млрд. иен. В то же время в нашем бюджете доходная часть всегда выше расходной, и неслучайно за Советской страной укрепилась слава самого аккуратного плательщика в международных торговых взаимоотношениях.

Каждая цифра социалистического бюджета говорит о том, что наша страна все свои усилия направляет на дальнейшее развитие народного хозяйства, на мирные цели, на рост благосостояния и культурного населения. И в то же время, отпуская для усиления обороноспособности страны сорок с лишним млрд. рублей, наш народ заявляет, что он никому не позволит нарушить наш мирный труд, никому не даст преступить хотя бы вершок советской границы.

Речи депутатов Верховного Совета и тот факт, что бюджет на 1939 год единодушно утвержден обеими палатами, еще раз свидетельствуют о том, что морально-политическое единство народа нерушим, что интерес советского государства и советского народа слиты, неотделимы. Неслучайно многие депутаты Верховного Совета, поднимаясь на трибуну, начинали свои речи с воспоминаний о том, как жили народы совсем еще недавно, немногим больше двадцати лет тому назад. Депутат Динмухаметов, представитель татарского народа, привел замечательную повесть, в которой отражены горе и боль трудолюбивого татарского народа, долгие годы угнетавшегося государством помещиков и капиталистов.

О ЗАСЕДАНИЯХ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

31 мая, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

В порядке дня — утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между Второй и Третьей Сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

Третья Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

Информационное сообщение

О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 29 МАЯ 1939 ГОДА

Вчера, 29 мая, в 11 часов дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось четвертое заседание Совета Национальностей.

Председательствует — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М.

В порядке дня — прения по докладу о государственном бюджете СССР на 1939 год и исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год.

В прениях выступили депутат Тахтаров А. Г. (Махач-Калинский городской округ, Дагестанская АССР), Председатель Комитета по делам высшей школы при СНК

СССР тов. Нафанов С. В., депутат Байдунов Г. Ф. (Ботлихский округ, Дагестанская АССР) и Народный Комиссар торговли СССР тов. Любимов А. В.

По окончании прений Совет Национальностей заслушивает заключительные слова докладчика — Народного Комиссара финансов СССР тов. Зверева А. Г. и докладчика — Председателя Бюджетной Комиссии Совета Национальностей депутата Хохлова И. С.

Затем Совет Национальностей переходит к голосованию и утверждению государственного бюджета СССР на 1939 год. Совет Национальностей принимает пред-

ложение депутата Хохлова И. С. голосовать государственный бюджет СССР по разделам доходов и расходов, а союзный бюджет — по разделам доходов и в расходной части — по общим итогам ассигнований, с указанием расходов по ведомствам. Вслед за этим происходит утверждение государственного бюджета СССР на 1939 год.

Совет Национальностей в порядке постановочного чтения единогласно утверждает — по статьям, а затем и в целом — «Закон о государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1939 год».

По предложению депутата Горбачева М. В. Совет Национальностей принимает постановление — заслушать и обсудить второй вопрос порядка дня Сессии Верховного Совета СССР — об образовании Народного Комисариата Промышленного строительства СССР, а также третий вопрос порядка дня — об образовании Народных Комисариатов Автомобильного транспорта в союзных республиках — на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей.

На этом четвертое заседание Третьей Сессии Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение

О СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 29 МАЯ 1939 ГОДА

Вчера, 29 мая, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М.

Верховный Совет СССР приступает к рассмотрению второго вопроса порядка дня Сессии — проекта закона «Об образовании общесоюзного Народного Комисариата по строительству», внесенного Советом Народных Комиссаров СССР.

С докладом по этому вопросу выступил Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Микоян А. И. В прениях по докладу тов. Микояна выступили депутаты Ивановский Г. И. (Криворожский округ, Днепропетровская область, УССР), Садык В. Я. (Полоцкий округ, Белорусская ССР), Народный Комиссар промышленности строительных материалов СССР тов. Соснин Л. А., депута-

ты Бутенко Г. П. (Красноградский округ, Харьковская область, УССР) и Емцов В. Я. (Ташкентский — Ленинский округ, Узбекская ССР).

По окончании прений депутат Януков М. Т. вносит предложение утвердить законопроект, внесенный Советом Народных Комиссаров СССР.

Раздельным голосованием по Палатам Верховный Совет СССР единогласно утверждает «Закон об образовании общесоюзного Народного Комисариата по строительству».

Затем Верховный Совет СССР переходит к рассмотрению третьего вопроса порядка дня Сессии — проекта закона «Об образовании в союзных республиках республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта», внесенного Советом Народных Комиссаров СССР.

С докладом по этому вопросу выступил Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Булангин Н. А. В прениях по докладу тов. Булангина выступили депутаты Смердов Н. А. (Бар-

наульский сельский округ, Алтайский край), Андреева З. А. (Чебоксарский округ, Чувашская АССР), Мельников Р. Е. (Смоленский сельский округ, Смоленская область), Гришко Г. Е. (Баховский округ, Николаевская область, УССР) и Павлов Д. Г. (Сухиничский округ, Смоленская область).

По окончании прений депутат Мусинский В. С. вносит предложение утвердить законопроект, внесенный Советом Народных Комиссаров СССР.

Раздельным голосованием по Палатам Верховный Совет СССР единогласно утверждает «Закон об образовании в союзных республиках республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта».

Председательствующий — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М. доводит до сведения Палат о том, что на имя Председателя обеих Палат поступило заявление депутатов Тимошенко С. К., Кулиева Т. И., Папаян М. П., Пичугиной И. П., Гогобоблевой Е. А., Спе-

таняна Н. С. и Наталевича Н. Я. дополнить порядок дня Третьей Сессии Верховного Совета СССР сообщением Народного Комисариата Иностранных Дел о внешней политике СССР, если депутаты Верховного Совета СССР считают это необходимым.

Верховный Совет единогласно принимает постановление — дополнить порядок дня Третьей Сессии Верховного Совета СССР сообщением Народного Комисариата Иностранных Дел о внешней политике СССР, заслушав его на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей.

На этом второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрывается.

ДНЕВНИК ЗАСЕДАНИЙ СЕССИИ

29 МАЯ 1939 ГОДА

В Совете Национальностей

Вчера утром в Большом Кремлевском Дворце состоялось четвертое заседание Совета Национальностей.

В ложах присутствуют руководители партии и Правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары.

Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М. представляет слово депутату Тахтарову А. Г.

Трудящиеся Дагестана, — сообщает Сессии депутат Тахтаров, — наравне с народами других республик, приножат богатства своей любимой социалистической родины. Успешно проходит социалистическое соревнование имени Третьей Сталинской Пятилетки. Рыбные заводы Дагестана впервые за много лет досрочно выполнили план весенней путны. Стахановцы-рыбаки добыли в этом году 208 тыс. центнеров рыбы. Колхозники закончили сев яровых на 20 дней раньше срока. Сев хлопка проведен также успешно.

Депутат Тахтаров обратился к Сессии с просьбой предусмотреть соответствующие ассигнования на неотложные нужды республики, непредусмотренные в проекте государственного бюджета. Особенно нацелена необходимость в строительстве цементного завода. Печмент нужды республике для нового строительства заводов и городов.

Председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР тов. Нафанов С. В. в своем выступлении отмечает неуклонный рост ассигнований на нужды просвещения.

Тов. Нафанов подробно останавливается на развитии высшего образования в нашей стране. За годы революции во всех республиках, краях и областях создана мощная сеть высших учебных заведений, в которых сейчас обучается около 600 тысяч человек — почти на 100 тыс. человек больше, чем в высших школах 23, вместе взятых, капиталистических стран Европы, включая Англию, Францию, Германию, Италию, Польшу и др. В странах капитализма на тысячу человек населения приходится один человек обучающийся в высшем учебном заведении, в СССР — 3,5 человека. Если же учесть систему заочного обучения, а также обучения без отрыва от производства, то количество учащихся высших школ на тысячу человек населения в СССР составит 5 человек. В одних лишь вузах советской Украины учится больше студентов, чем в Германии, Австрии и Венгрии, вместе взятых.

Тов. Нафанов обращается к Сессии с просьбой упорядочить финансирование высших учебных заведений, предусмотреть в бюджете нужды лабораторий и кабинетов, а также строительство общежитий.

На трибуне — Герой Советского Союза депутат Байдунов Г. Ф.

Депутат Байдунов, участвовавший в работе Бюджетной Комиссии Совета Национальностей, подвергает тщательному анализу финансовое состояние ряда общесоюзных наркоматов.

Резкой критике подвергает депутат Байдунов работу Наркомлеса. Работа механизмов на лесозаготовках не налажена. Тракторный парк используется лишь на-

половину. Большие потери Наркомлес имеет при спиле леса.

— Предусмотренные проектом бюджета ассигнования по тяжелой и легкой промышленности вполне достаточны, чтобы эти отрасли нашего народного хозяйства с успехом могли решить задачи, поставленные перед ними в 1939 году, — заканчивает свое выступление депутат Байдунов.

Затем выступает Народный Комиссар торговли СССР тов. Любимов А. В.

— Бурный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства в нашей стране, — говорит он, — обеспечил невиданный подъем материальной и культурной благосостояния всего советского народа. Одним из ярких показателей непрерывного роста материального благосостояния трудящихся является товарооборот нашей страны.

Тов. Любимов приводит интересные цифры, свидетельствующие об увеличении из года в год розничного товарооборота и оборота общественного питания. В 1933 году он составлял 49,8 млрд. рублей. В 1938 году товарооборот достиг 138,5 млрд. рублей. В 1939 году товарооборот увеличивается до 154 млрд. рублей.

— Но торговые организации еще не справляются с удовлетворением возрастающего спроса на товары. Тов. Любимов критикует работу местной промышленности и промкооперации, которые не сумели полностью использовать богатейшие возможности для дополнительного производства товаров широкого потребления.

Тов. Любимов указывает, что в прошлом году план накопления организациями Наркомторга был выполнен всего лишь на 60 проц. Не все торговые организации научились бережно относиться к государственным народным деньгам, умело применять хозрасчет.

Прения закончились. Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М. представляет заключительные слова докладчику — Народному Комиссару финансов СССР тов. Звереву А. Г.

— Представленный Правительством проект государственного бюджета СССР на 1939 год, — говорит тов. Зверев, — был подвергнут на заседаниях Совета Национальностей глубокому и всестороннему рассмотрению и обсуждению. Все выступавшие депутаты указывали, что бюджет 1939 года целиком и полностью исходит из директив XVIII съезда партии и указаний великого Сталина, отражает народно-хозяйственные задачи второго года Третьей Сталинской Пятилетки.

Единодушное одобрение депутатами бюджета, представленного Правительством, показало, что бюджет отвечает тем огромным задачам, которые стоят перед нашей страной.

Далее тов. Зверев останавливается на предложении Бюджетной Комиссии Совета Национальностей об увеличении государственного бюджета СССР на 1939 год по доходам на 574,023 тыс. рублей и об уменьшении общей суммы расходов на 152,594 тыс. рублей.

— Совнарком СССР, — говорит тов. Зверев, — поручил мне заявить, что он считает необходимым принять увеличение доходной части бюджета не на 574,023 тыс.

рублей, как это предлагает Бюджетная Комиссия Совета Национальностей, а на 491,023 тыс. рублей, т. е. на сумму, представленную Бюджетной Комиссией Совета Союза. Расходы же сократить на 152,594 тыс. рублей, как предлагают Бюджетные Комиссии Совета Национальностей и Совета Союза.

В заключение тов. Зверев говорит: — Важнейшим условием выполнения государственного бюджета 1939 года является выполнение производственных планов, заданий по снижению себестоимости, на основе строжайшего соблюдения хозрасчета и бережного отношения к народным средствам. Выполнение этих задач требует решительного улучшения работы всей финансовой системы. При том большом внимании, которое уделяется вопросам финансов партии и Правительством, лично товарищем Сталиным и товарищем Молотовым, — бюджет 1939 года будет безусловно выполнен. (Аплодисменты).

Заключительное слово представляется докладчику — Председателю Бюджетной Комиссии Совета Национальностей депутату Хохлову И. С. Он отмечает, что все выступавшие с полным единодушным одобрением приняли проект бюджета, представленный на

рассмотрение Сессии Совнаркомом СССР. — Выразил единодушное одобрение бюджета, — говорит тов. Хохлов, — Сессия тем самым одобряет политику, проводимую нашим Советским Правительством, которое возглавляет верный соратник товарища Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов. (Аплодисменты).

Депутат Хохлов подчеркивает единодушное одобрение депутатами ассигнований 40,885 млн. рублей на оборону нашей социалистической родины.

Сессия единогласно утверждает бюджет, а затем «Закон о государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1939 год».

По предложению депутата Горбачева М. В. Совет Национальностей принимает постановление: второй и третий вопросы порядка дня Сессии — доклад о образовании Народного Комисариата Промышленного строительства СССР и об образовании Народных Комисариатов Автомобильного транспорта в союзных республиках — заслушать и обсудить на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

На этом четвертое заседание Сессии Совета Национальностей закрывается.

Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей

Вечером 29 мая состоялось второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

За столом Президиума — Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А., Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М., заместитель Председателя Совета Союза депутат Лысенко Т. Д., заместитель Председателя Совета Национальностей депутат Астахова Ч.

В ложах — руководители партии и Правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары.

Председательствующий — депутат Шверник Н. М. объявляет второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей открытым. Слово для доклада по второму вопросу порядка дня Сессии — об образовании общесоюзного Народного Комисариата по строительству — представляет Заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. Микоян А. И.

Депутаты и присутствующие в зале гости встречают появление товарища Микояна на трибуне продолжительными аплодисментами.

В своем докладе, изобилующем яркими, убедительными примерами и цифрами, тов. Микоян подробно и всесторонне обосновал необходимость образования общесоюзного Народного Комисариата по строительству. Продолжительными аплодисментами ответили депутаты на призыв тов. Микояна в кратчайший срок превратить строительную индустрию в передовую отрасль нашей промышленности.

получит еще более грандиозный размах. Это полностью соответствует указаниям вождя народов товарища Сталина о том, чтобы в ближайшие 10—15 лет догнать и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Планом Третьей Сталинской Пятилетки предусматривается полное окончание строительства ряда металлургических заводов — Магнитогорского, Криворожского, Азовского, полное завершение реконструкции таких заводов, как Макеевский, им. Гирова и др. Предусматривается большое строительство новых доменных и мартеновских печей, прокатных станов. Намечено развитие металлургической базы как на юге, так, особенно, на Востоке и на Урале.

Быстрейшее осуществление намеченной программы промышленного строительства в третьей пятилетке требует большей материальности в работе промышленно-строительных организаций, полного и правильного использования сил строителей, оборудования, механизмов, строительных материалов. Поэтому депутат Ивановский целиком поддерживает проект закона, внесенного Совнаркомом СССР на утверждение Сессии.

Полностью поддержал это предложение выступивший затем депутат Садык В. Я. Он говорит о существующей сейчас организационной раздробленности дела промышленного строительства, о большом распылении строительных материалов, денежных средств и кадров.

— Дальнейшее кустарничество в области промышленного строительства совершенно недопустимо, — говорит депутат Садык. Образование нового наркомата позволит нам всемерно развить строительную индустрию, создать и закрепить постоянные кадры рабочих, инженеров, техников,

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2-й СТР.

Третья Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

ОКОНЧАНИЕ.

НАЧАЛО СМ. НА 1-й СТР.

создать хорошие проекты и сметы, укрепить хозяйство, лучше использовать строительные механизмы.

На трибуне — Народный Комиссар промышленности строительных материалов СССР тов. **Соснин Л. А.**

— Из года в год, из пятилетки в пятилетку в нашей стране растут затраты на капитальное строительство, — говорит тов. Соснин. В СССР налажено производство всех видов строительных механизмов — экскаваторов, кранов, электровибраторов, электротранспортов и пр.

Однако, с использованием механизмов даже на крупных стройках дело обстоит еще плохо. Создание специального строительного паркомата, работающего исключительно на подпольных началах, имеющего территориальные строительные тресты, машинно-прокатные базы, — положит конец остаткам кулацких.

Выступивший затем депутат **Бутенко Г. П.** целиком поддерживает внесенный Совнаркомом СССР проект закона. Необходимо создать общесоюзный наркомат по строительству, — говорит он, — а в республиках, краях и областях (где это окажется необходимым) организовать территориальные строительные тресты и конторы.

— Организация общесоюзного Наркомата по строительству, — заявляет депутат **Емцов В. Я.**, — позволит сконцентрировать руководство стройками, быстрее и решительнее внедрять передовую строительную технику, шире развернуть станционное движение среди строителей.

После выступления депутата **Емцова** прения по второму вопросу порядка дня Третьей Сессии Верховного Совета СССР прекращаются. Председательствующий депутат Шверник сообщает, что докладчик тов. Микоян от заключительного слова отказался.

По предложению депутата **Якубова М. Т.**, палаты раздельным голосованием в порядке постановки вопроса единогласно утверждают «Закон об образовании общесоюзного Народного Комисариата по строительству».

Слово для доклада по третьему вопросу порядка дня Сессии — об образовании в союзных республиках республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта предоставляется Заместителю Председателя Совнаркома СССР тов. **Булганину Н. А.**, тепло встреченному Сессией.

Товарищ Булганин говорит, что постановка на Сессии Верховного Совета СССР вопроса об образовании в союзных республиках республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта свидетельствует о больших изменениях, происшедших за годы сталинских пятилеток в нашем народном хозяйстве. Советский Союз имеет теперь мощную автомобильную промышленность. До революции в стране не было предприятий по производству автомобилей. В 1913 году в России насчитывалось всего лишь 8.800 машин. За первую пятилетку советская автомобильная промышленность выпустила 57 тысяч машин, за вторую пятилетку — 555 тыс. машин. По производству грузовых машин наша страна сейчас занимает первое место в Европе и второе в мире. Ежедневно с конвейеров советских заводов сходит свыше 700 автомобилей.

К концу третьей пятилетки страна будет иметь 1.700 тысяч автомобилей. Создаются новые марки машин — малолитражных, газогенераторных и т. д. Это способствует быстрому росту автомобильного парка — говорит докладчик — не соответствует состоянию автомобильного хозяйства в нашей стране.

Эксплуатацию автомобильного транспорта нужно организовать, как государственное дело большой важности. При правильной налаженной эксплуатации машин перевозку грузов можно увеличить не менее, чем в два раза. Новые республиканские Наркоматы автомобильного транспорта должны четко организовать эксплуатацию и обслуживание парка автомобилей, этого богатства, которое создано в результате успешного завершения двух сталинских пятилеток. Превратить автомобильный транспорт в передовую отрасль нашего народного хозяйства — вот основная задача республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта.

Открывают прения по докладу тов. Булганина Н. А.

Первым выступает депутат **Смердов Н. А.** Он приводит цифры, характеризующие рост автотранспорта в Алтайском крае. В прошлом Алтайский край не имел машин, теперь мы имеем их более 10 тысяч. Депутат Смердов отмечает, что вследствие неограниченности автомобильного хозяйства, машины используются нерационально. Несмотря на достаточное количество машин, из-за плохого использования автотранспорта в 1938 году затонула вывозка хлеба на глубинных пунктах. В 1939 году в Алтайском крае предстоит вывести на пристанционные и водные пункты до 100 млн. пудов только одного зерна. В этих перевозках огромную роль играет автотранспорт.

Слово получает депутат **Андреев З. А.** Она отмечает, что необходимость организации в союзных республиках республиканских Народных Комисариатов автомобильного транспорта чувствуется на каждом шагу. В Чувашской АССР сейчас имеется 2.200 автомашин. Многие колхозы имеют по 2—3 автомашины. Появление в республике автомашин произвело революцию в дорожном хозяйстве.

Депутат **Андреев** ставит вопрос о передаче создаваемых наркоматам авторемонтных мастерских, ранее находившихся в ведении Дортранска.

Выступает депутат **Мельников Р. Е.** На примере Смоленской области депутат Мельников показывает неуклонный рост автомобильного парка в нашей стране. Еще в 1933 году в области насчитывалось всего 263 автомашины, а в 1939 году их имеется уже 7.139. Таким образом, автомобильный парк области вырос за это время более чем в 27 раз.

Между тем, до сих пор никто по-настоящему не руководил автомобильным транспортом. Отсутствие руководства при-

ИОАННЕС БЕХЕР

ЧУДЕСНЫЙ ТОВАРИЩ

Удивительно богатую жизнь прожил Эрнст Толлер. В нашей памяти он навсегда останется таким же горячим борцом за свободу, каким он был, выступая среди гейдельбергских студентов против бесчеловечной империалистической войны 1914—1918 гг. Он, ушедший добровольцем на войну, под влиянием Анри Барбюса вернулся оттуда пламенным сторонником бескомпромиссной борьбы за мир. Эрнст Толлер говорил от имени раздвоенного на полях Лангемарка (Фландрия) германского юношества, выступая гневным обвинителем преступлений империализма. Значительная часть свободомыслящей немецкой молодежи группировалась вокруг Эрнста Толлера; в полном страстной воли к переустройству человеческого общества Эрнст Толлер ага молодежь видела поэтическое выражение своих идеалов и чувств. Борьбу за свободу Толлер понимал, как свой жизненный долг. В 1919 году он стал одним из вождей Баварской советской республики.

Нет ничего удивительного в том, что внутренние колебания, а полчас и заблуждения Эрнста Толлера были связаны с миром буржуазного интеллигента, прокладывающего себе путь к пролетариату. После кровавого погрома баварской советской диктатуры контрреволюционным «добровольческим корпусом» Эрнст Толлер был арестован и затем приговорен к пяти годам заключения в каторжной крепости в Нидерфельде. Там он написал свою лирически-нежную «Книгу застывших», книгу узника-революционера.

Его освобождение из каторжной тюрьмы превратилось в подлинный триумф. Немецкая молодежь чувствовала Толлера как непримиримого борца за свободу народа. В те годы начинается и его плодотворный путь революционного писателя-драматурга. «Превращения», «Человек-масса», «Разрушители машин», «Зуген несчастный», «Гоп-ля, мы живем» — получили широкое распространение и далеко за пределами Германии. В этих пьесах Толлер проявил себя как пропагандист огромного темперамента. Внутреннее и социальное возрождение человека, человеческое счастье, взаимоотношения человека и народа — таков круг вопросов, волновавших писателя Толлера. Ответы, даваемые им на эти вопросы, были скорее публицистическими, нежели художественными, но они производили огромное впечатление на читателей. Глубокий след оставили в сознании читателей пьесы, в которых изображено убийство Либнехта и Люксембург.

Эрнст Толлер был не только драматургом и писателем, но и неутомимым публицистом. Он был также оратором исключительного пафоса. Его можно было встретить всюду, где дело касалось защиты прав человека против реакции.

С приходом к власти озверелого гитлеровского фашизма вынужден был покинуть родину Эрнст Толлер. Он принадлежал к тому типу германских интеллигентов, которые подвергались наиболее беспощадным преследованиям со стороны гитлеровских мучителей. После долгих скитаний Эрнст Толлер осел, наконец, в Англии. Там он завоевал своей пьесой «Огонь из котла» совершенно необычайный успех. В индустриальном Манчестере эта драма Толлера выдержала бесчисленное количество постановок.

В эмиграции Толлер выступал, как писатель и оратор, драматург и публицист, и неустанно оказывал моральную и материальную помощь тем, кто страдал от преследования фашизма. Слова, полные необычайного вдохновения и чувства исторической правды, находил Эрнст Толлер, когда говорил или писал о Советском Союзе, который он посещал неоднократно. В последний раз он был в Москве в 1934 г. во время Первого всесоюзного съезда писателей. Юнархский посвятил творчеству Эрнста Толлера строки, полные глубокого признания, Максим Горький не раз упоминал имя Толлера с чувством уважения и понимания.

Из трудов Эрнста Толлера, написанных им в эмиграции, следует упомянуть книгу статей «Немецкая молодежь», в которой он пытался повернуть честной самкритике лопушные им в прошлом ошибки и стремился аналитически изобразить путь своего развития в качестве ак-

тивного участника обостренной социальной борьбы в Германии.

Незадолго до своей трагической смерти он прочитал свою последнюю пьесу «Пастор Галь» на собрании германо-американского союза антифашистских писателей. Оскар Мария Граф пишет об этом в полученном нами недавно письме:

«Четвертый вечер был посвящен мастерскому чтению Эрнстом Толлером его драмы «Пастор Галь». В большом, действенном напряжении сюжета, в проникновенных и астных диалогах изображая этого пастора-протестанта против гитлеровского режима в Германии. Видно, что Толлер многому научился в последнее время у Ибсена. Его прежний пафос стал более зрелым, напряженным, монологи и диалоги стали более естественными, а все произведение в целом дает необычайно редкое и выразительное изображение современной действительности в фашистской Германии».

С самого начала героической борьбы испанского народа против внутреннего врага и фашистской интервенции Эрнст Толлер целиком — словом и делом — включился в эту борьбу. Он поехал в Испанию, а по возвращении оттуда делал все возможное для организации материальной и моральной поддержки республиканцам. Именно благодаря его усилиям удалось так много сделать в этом направлении в Англии и США.

В последние годы Эрнст Толлер был охвачен глубочайшим внутренним беспокойством. Полная ужаса, лишения и тягот жизни немецких изгнанных и эмигрантов, Германия, ставшая добычей оттоглого фашизма, лишила его в буквальном смысле слова сна в течение многих ночей. Это было мучительное бодрствование, полное страшных видений о страданиях человечества. Эрнсту Толлеру казалось в эти ночи незначительным и ничтожным все сделанное им для оказания помощи борцам за лучшее будущее человечества по сравнению с тем, что нужно сделать. Несоответствие наших собственных возможностей и сверхчеловеческих требований, которые к нам предъявляет жизнь, уменьало его силы, но под конец одолело его и полностью исчерпало, казалось бы, неиссякаемый источник его пафоса и энергии. Он метался между отчаянием и надеждой, пока его расшатанная нервная система не стала полностью добычей отчаяния.

В трагическом бою за революционное переустройство человечества немецкая молодежь вспомнит и Эрнста Толлера, подлинного вярца в реакции и войны 1914—1918 гг. своей мужественный голос, ибо голос этот с той же силой и призывом звучал и против угрозы новой империалистической войны в настоящем. Вся жизнь Толлера звучала, как песнь интернационального братства, и его образ навсегда останется в памяти человечества — образом неутомимого и героического борца за мир и чудесного, замечательного товарища.

Вл. ЛЮБЛИНСКИЙ

Неведомый Вольтер

После смерти Вольтера, по приказанию Екатерины, в царскосельских парках было подыскано место, напоминавшее фернскую усадьбу, даже со видом на Юрские горы и Женевское озеро; здесь предостроено воздвигнуть точную имитацию вольтерского «шмафа», воздвигнуть гудолговскую копию писателя и собрать все его библиотеку и все рукописи. О предположаемом грандиозном памятнике Вольтеру ныне напоминают только хранилища в Ленинграде планы Фернесского поместья, макет дома Вольтера, да образцы тканей, которыми была обита его мебель. План Екатерины свелся к эффективной демонстрации покровительства «просветительному движению». Русская императрица купила у племянницы Вольтера его библиотеку и часть рукописей за «135 398 лировов 4 су и 6 денеев» (30.000 рублей) и богатые подарки. В августе 1779 г. в полдень Эрмитажа, среди множества ящиков хлопотали два незнакомца — шушпиль и дьявол, которые по-французски осведомлялись, куда поместить библиотеку их хозяина: это были привезшие ее секретари писателя Ваньер и его кучер, Ваньер, работавший библиотеку и бумаги Вольтера, роеспешив вернуться на родину.

А книги? Книги остались и были полузабыты. После французской революции от всех «вольтеристов» самодержавия не осталось и следа. Символом измены ученым «философом» явился перенос знаменитой статуи «фернесского патриарха» из Эрмитажа на дворовые чердаки. А полвека спустя Николай I распорядился даже «собрать эту обезьяну».

Дворовые чиновники разобрали библиотеку, ей отделили зал в Эрмитаже. Как часть царской библиотеки, она была совершенно недоступна изучению. Несколько иностранных реакционеров эпохи реставрации Бурбонов видели ее, но сквозь стекла

запертых шкафов. Лишь четверть века спустя (и через 70 лет после вывоза библиотеки) французскому ученому Э. Барду удалось изучить и опубликовать интереснейшие заметки Вольтера на полях «Об истинного договора» Руссо и тем самым обратить внимание науки на жемчужину коллекции — маргиналия Вольтера. Но эти и ограниченные замечания ученого мира Франции с замечательной библиоте-

ка в России? Никто не стремился строжайше запретить (читать книги из вольтеровой и дидлеровой библиотеки, ли делая из них выписки) закрепили в 1897 году предписание ограничения. Мы знаем лишь единственное русское издание (за весь XIX век!), сумевшее оживить интерес. Этим изданием был А. С. Пушкин. Изучены заметки Пушкина в его записной книжке 1832 г., отражающие посещение им библиотеки Вольтера и свидетельствующие о том, что внимание поэта привлечены не только рукописи по истории Петра I, но и богословские флюиды с едкими маргинальными пометками «фернесского злого крикуна». Затем в бумагах Пушкина был найден неизвестный автограф Вольтера. О соборании Пушкиным автографов других лиц, кажется, достоверных данных нет. И не странно ли, что именно в статье о Вольтере Пушкина изложил свой взгляд на драгоценность для потомства всякой строчки великого писателя?

Нам удалось доказать, что листок, век тому назад попавший к Пушкину, был достанет лет назад тесно связан с вольтерской библиотекой; отпечатки на страницах одной из ее книг бесспорно указывают на то, что выписки Вольтера были сделаны в Сире в 1737 г. именно из данного экземпляра. Совсем недавно благодаря работе московских пушкинovedов

Проза и стихи Уолта Уитмана

Завтра, 31 мая, исполняется 120-летие со дня рождения великого поэта американской демократии Уолта Уитмана. До сих пор у нас были известны главным образом его стихотворения. Теперь писатель Корней Чуковский, давний пропагандист поэзии Уолта Уитмана в России, перевел главные его произведения в прозе: «Specimen Days», «Democratic Vistas» и другие. Эти произведения будут включены в новое — десятое — издание его переводов Уитмана, которое является наиболее полным собранием сочинений американского автора из всех вышедших у нас до настоящего времени.

Приводим из этого издания несколько отрывков — прозаических и стихотворных, причем выбираем из них главным образом те, которые характеризуют отношение Уолта Уитмана к литературе и литературному творчеству.

I

УОЛТ УИТМАН — РОССИИ

В 1881 году Уолт Уитман писал русскому переводчику «Листья травы»:

«Так как заветнейшая мечта моя заключается в том, чтобы поэмы и поэты стали интернациональными и объединили все страны на земле плотнее и крепче, чем договоры и дипломаты, так как подлинная идея моей книги — заступничество содружеству людей (сначала отдельных людей, а потом и всех народов на земле), — мне надлежит ликовать, что меня услышат, что со мною войдут в эмоциональный контакт великие народы России».

Этим народам я здесь и теперь шлю сердечный салют с наших берегов от имени Америки».

Замечательно, что Уолт Уитман говорит здесь не об одном только русском народе, но о «великих народах России».

Имя адресата неизвестно. Его переводы до нас не дошли.

2

УОЛТ УИТМАН — СЕБЕ САМОМУ

Перед тем как написать свою книгу «Листья травы», Уолт Уитман составил для себя ряд заповедей, где эстетика своеобразно сочетается с этикой:

«...Пойми, что в твоих писаниях не может быть ни одной черты, которой не было бы в тебе самом. Если ты злой или пошлый, это не укроется от них. Если ты любишь, это во время обета за стулом у тебя стоишь ладей, это скажется в твоих произведениях. Если ты бродяга или завистник, или извращенец смотришь на женщин, — это скажется даже в твоих умозаключениях, даже в том, чего ты не напишешь. Нет такой уловки, такого приема, такого ренета, чтобы скрыть от твоих писаний какой-нибудь твой изъян...».

3

СТАРАЯ ЛИТЕРАТУРА — И НОВАЯ

Перед старой литературой Уолт Уитман благоволил. Но он был уверен, что новая литература, литература молодой демократии, превзойдет и Шекспира и Данте. Об этом он не раз говорил в своих «Демократических диалгах»:

«...Данте, худой, весь — один сухощавый, ни куска лишнего мяса; Микель Анджело, и великие художники, музыканты; пышный Шекспир, великодушный, как солнце, живописец и певец феодализма на закате его дней, блещущий изысканными красками, распорядившийся, и вводящий ими по прихоти; и дальше, вплоть до Германии, до Канта и Гегеля, которые, хотя и близки к нам, похожи на безразличных, невозмутимых египетских богов, словно они перенесены через бездны столетий. Неужели этих гигантов и многих подобных им не вправе приравнять к планетам, планетным системам, послышам по вольным тропам в пространстве много неба, космического интеллекта, души?»

Вы, могучие и светозарные! вы встали в своей атмосфере не для Америки, а для ее врагов (феодалов и более древних), а наш гений — современный, пле-

бейский. Но вы могли бы вдохнуть свое живое дыхание в легкие нашего Нового Света, не для того, чтобы поработить нас, но для пробуждения духа, подобного вашему, нужного нам, чтобы мы могли (не дерзновенно ли об этом мечтать?) подышать себе и даже разрушить то, что вы оставили нам? На ваших высотах и с вашим размахом — но только еще выше и шире — мы шествуем здесь и теперь!»

4

УОЛТ УИТМАН О ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ БУДУЩЕГО

Предыдущий отрывок может служить комментарием к знаменитым строкам из поэмы Уолта Уитмана «Пионеры»:

«Что же старые народы? Утомялись, ослабели, и их урок пришел к концу? Мы их ношу поднимем, их работу и их урок,—

Пионеры! пионеры! Старое осталось слаби.

Новый, краше и сильнее, свежий мир, Новый, краше и сильнее, свежий мир, Мы в этот мир ворвемся с боем, в мир похода и труда,

Пионеры! пионеры! Переводы, на разведку! По перевалам и над кручами, по дорогам неизведанным, На пролом, в атаку грудью, завоевать и сокрушить.

Пионеры! пионеры! Все сместь, смести с пути!

О, любящие, о, милые! я и радуюсь и плачу, От любви я обезумел, грущу от нежности боит.

Пионеры! пионеры! Вы, будущие песнопевцы,

Затаившиеся в прениях, скоро вы прыкнете к нам, нам споете ваши песни. (А певцы былого века, лягте в гроб и отдохните, вы своего работу сделали).

Пионеры! пионеры!

5

УОЛТ УИТМАН О СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ ДЕМОКРАТИИ

Любовь к американской демократии не мешала Уолту Уитману видеть все ее изъяны и пороки.

«Признайтесь, — писал он, — что для строгого глаза все это города, кшащадные ничтожными гротесками, калекками, бессмысленно кривяющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой. В лавках, на улицах, в церквях, в лифтах, в присутственных местах — всюду легкомиссия, пошлость, лукавство и ложь; всякого фатоватая, хилая, чванная, преждевременно созревшая юность; всюду чрезмерная похоть, нездоровые тела, мужские, женские, подкрашенные, помятые, в шиньонах, грязный цвет лица, испорченная кровь; способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о красоте, измененные нравы или, вернее, полное отсутствие нравов, каково, пожалуй, не найти во всем мире».

Чтобы снова вдохнуть в эту плачевную жизнь здоровый, героический дух, нужна новая литература, не только отражающая поверхность нашего бытия, но только приравняющаяся к тому, что называется вкусом, не только воспеваящая одно лишь прекрасное и утонченное, но только выставляющая на показ свою шаркающую технику или ловкую ритмику или грамматику, — нужна литература, изображающая то, что под слухом, могуче и умело справляющаяся со стихиями и силами жизни, поучающая и воспитывающая людей, способная достигнуть самого пленного результата — освободить женщину из клеветной ограниченности, глупости, моды и всяких испепеленных опустошений души, нужна литература, могущая создать для Штатов сильное, прекрасное племя совершенных матерей».

Даже из этих немногочисленных отрывков можно видеть, каким пенным комментарием к стихам Уолта Уитмана является его до сих пор неопубликованная проза.

ший традиционно издаваемый текст свыше сотни других писем.

Письма к Д'Аранжано содержат чрезвычайно ценные по своей конкретности и систематичности высказывания Вольтера о поэтике трагедии, о благозвучии стиха, декламационной и сценической технике, об игре отдельных актеров. Кроме того, они уточняют творческую историю целой серии драматических произведений Вольтера, к числу которых относятся такие пьесы, как «Альзира», «Мероп», «Магомет», «Семирамида» и «Эолия».

Большое значение имеет неизвестный доселе вольтеровский текст — проект посвящения трагедии «Олимпия».

Историкограф и камергер, философ и поэмат, вольнодумец и поэт, индиганник и полемист, Вольтер был прежде всего драматургом. Десятки раз формулировал он теоретически те принципы, на которых им строились (завершенные в количестве свыше шестидесяти) театральные произведения. Но нигде мы не найдем литературного манифеста, подобного по своей предельной четкости посвящению «Олимпии». Нигде не сыскать такой декларации Вольтера специально по вопросам не столько поэтики, сколько сценического действия, интерпретации актером роли, театральных эффектов и т. п. Не раз, казалось бы, противоречил себе Вольтер в своих выступлениях по вопросу о Шекспире — полярно противоречивших всей аристократической эстетике французского классицизма XVIII в. Вольтер думал «площадная грубость» «пыльного дикаря», но, как мастер спектакля, он не мог оставаться равнодушным к пленяющим «массой прохвотного действия» и великой психологической правдой Шекспира; большинство выводов против него было продиктовано только пылом полемики и националистическими мотивами. И вот в нашем «Посвящении» подлинный «шекспиризм» Вольтера и осознание им тупика поэди-классической сцены находят себе самое искреннее и рельефное выражение. Произведение это интересно для нас еще и тем, что оно задумано в форме письма к И. И. Шувалову, касается русских тем и расчита-

но на то, чтобы служить своего рода программой для русских авторов, вступавших на почве трагедии в те самые шестидесятые годы XVIII в., когда во Франции трагедия, застывшая и задыхавшаяся в нормах XVII в., переживала кризис.

К этому же моменту относится другой отрывок Вольтера — набросок малоизвестного, раннего (заброшенного) варианта трагедии «Дон Педро». По замыслу он немало отличается от того текста, который Вольтер издал 15 лет спустя. Но особый интерес этого черновика в том, что он написан не каноническим александринским стихом, но так называемым «вольтерским размером», применявшимся до той поры только в комедиях. Этот новаторский эксперимент (по тем временам необычайно смелый) Вольтер сумел так тщательно скрыть, что, не будь ленинградского рукописи, мы никогда бы о нем и не подозревали.

Но еще несравненно больше, чем рукописи, говорят о подлинных взглядах Вольтера его пометки на полях книги — без великой маски, без страха цензуры и светских приличий, столь часто заставляющих его кривить душой в своих отчетах, рассчитанных на глагольность. На полях книг Вольтер набрасывал свои первые впечатления, особенно красочные именно своей непосредственной искренностью. Без ленинградских маргиналий мы никогда не узнали бы всей глубины и страстности отношений писателя к авторам-современникам. Известно, что соперница и соотечественница с драматургами его времени, Вольтер не особенно жалал ее в критике. Но трудно вообразить, что собой представляют поля страниц некоторых трагедий Кревильона и Беллуа; полные действия детально проанализированы буквально строфа за строфой, рифма за рифмой, зинтез за зинтезом; а затем книжка в гневе, видимо, вовсе отбрасывалась: все страницы чисты после слов вроде: «после вой, ты мне слишком надел».

Мы только слегка приподняли завесу над лабораторией великого писателя. Немалая работа еще предстоит советской науке над освоением классического наследия.

«ИРИНА ГОДУНОВА»

Ф. ЧЕЛОВЕКОВ

Есть просто хорошие литературные произведения и есть произведения хорошие по-особенному. Первые можно прочитать с некоторой несомненной пользой, вторые трудно забыть — и они долго еще питают читателя, даже будучи давно прочитанными.

Одно из главных достоинств этого произведения состоит в том, что автор сумел языком поэзии изобразить органическое, чувственное, естественное отращивание народа к троцкизму.

В лице Ирины Годуновой автору удалось создать один из самых привлекательных образов молодой советской женщины; причем у Митрофанова Ирина Годунова ничем не обделена как женщина: ни своей деликатной робостью в отношении с людьми, ни нежной до гроба преданностью к Годунову, ни тревожным, напряженным чувством юности, — и сверх этого она вознаграждена большой, отражающей человечество, которую она приобрела из общего источника нашего воспитания, — из советской действительности.

В повести мы застаем Ирину в качестве начинающего композитора. До этого она была простой работницей, стационарной на производстве. А еще ранее — в детстве — беспризорницей. В Ирине обнаружилось музыкальные способности, и вот советский завод определил свою молодую воспитанницу, свою дочь, учиться. Это в наших условиях естественно и натурально. Но мы не знаем, не уверены, очень ли это хорошо с точки зрения литературного искусства. То-есть, обязательно ли нужно Ирине, и без того престелному человеку, еще быть композитором, или скульптором, или парашютистом, или чемпионом заплыва на дальнее расстояние? Трудно сказать наверное — обязательно это украшает и делает более глубоким литературное произведение или нет, но трудно сообразить, что если бы автор оставил Ирину свершавшей и на столь «бедном» внешнем материале сумел бы не угасить ее духа, то автора ожидала бы более тяжелая задача, но зато и более благодарная. Ясно, что превращение свершавшей или токарки в музыканта или в художника-живописца — явление простое и обычное, и не нужно благородство человека изображать «благородными» же, возвышенными средствами, например — его музыкальным творчеством. Ведь свершавший или долбежник станок благороден не менее фортепиано... Но это наше возражение — частность, потому что Ирина в повести хороша не оттого только, что она музыкант.

В повести, к сожалению, есть и еще несколько дефектных деталей, не играющих, конечно, большой роли для решения основной темы. Например, на улице сидит нищий (человек, понятно, для нашей страны не типичный). Нищий «сидел, опустив глаза. Смотришь — и разбередит кому-нибудь сердце, и комсомолка бросит в карман три гривенника, приспавшие на метро, и пойдет домой пешком, морщась, словно ее грязно озорбили...» (Подчеркнуто нами — Ф. Ч.). Нет, комсомолка не будет переживать такого поступка столь нежно и чистолюбовно, как эта зерновая недотрога. Да и денег у нее что-то мало: всего тридцать копеек, которые к тому же «приспавшие», то-есть чуть ли не скопленные через сберкассу. Бедная, несуществующая девушка!

Ирина любит Годунова, химика, работника завода, где прежде работала и сама Ирина. Годунов — очень способный, чистый, поэтический человек, и у него есть редкое изображаемое нашими писателями качество — чувство возможности и необходимости бесконечного, прогрессивного развития своей жизни, входящей элементом в общую великую жизнь человечества. Вот небольшой пример характеристики

Н. Митрофанов. «Ирина Годунова», 1939 г., «Красная новь», № 1.

Годунова (в повести он охарактеризован автором очень богато и глубоко): «Чувствовать себя на середине огромного пути — сколько поколений позади, сколько поколений в будущем. Дух захватывает, словно прошел под солнцем и звездами миллионы верст. От этого чувства и явилась, должно быть, мысль о бессмертии. Чувствовать — особенно теперь, особенно в нашей стране, — что земля вышеставала тебя, что бывшие до тебя стучатся в твоё сердце, чтобы ты исполнил их мечты, чувствовать, как зависит от тебя будущее...»

И многое, даже самое простое и обыкновенное, кажется Годунову «удивительным и священным». В Ирине обнаружилось ее врагом народа, троцкистом Валечкой (директором завода).

«Ведь Годунов идет по своей земле, у него и походка, может быть, иная. И говорит он своим голосом, орет, восторг! Слышали, как они хохочут, когда сойдутся с этим Бранденбургским!.. Будто над тобой грохочут...»

Это художественно точно написано, а «орет, орет, сволочь» — хорошо по грубой, но правдивой выразительности. Что же Годунову не поохотить и не поохотить, когда его дела и дела всех его товарищей в Советском Союзе идут на лад. Валечка же, наоборот, орет опасно, а хохотать не от чего: он живет на чужой земле и воюет с ней враги.

У Валечки на заводе есть друг и собеседник — инженер Ордынец. Литературное воплощение этого человеческого типа является одной из заслуг т. Митрофанова. Не всякого отчужденного от народа человека можно переделать, перевоспитать и сделать полноценным товарищем. Есть люди, почти органически неспособные стать советскими людьми.

«Люди предлагали ему (Ордынцу) дружбу, веселье, помощь, развалились вместе с ним. Ему была предоставлена возможность раскрыть все способности, заложенные в нем... Как и всем другим, что окружали его. Как и всем! Это-то и вызвало в нем внутреннее сопротивление. Счастье терпело для него вкус, когда его могли зарекомендовать все, или почти все...»

Образ Ордынца, созданный т. Митрофановым, требует специального и подробного исследования именно потому, что особенно важно выяснить, каким путем в благоприятных условиях для творчества, для деятельности и, наконец, для счастья личной жизни может все же зародиться активное злодейство. Понятно, что тут действует, так сказать, индуктивная навodka из капиталистического окружения, но все же интересно знать, как это происходит конкретно. Ордынец дает большой материал для такого критического и психологического исследования.

Объединившись, Валечка и Ордынец создают диверсионную вредительскую группу. Но Годунов и многие другие не дают дышать Валечке и Ордынцу. Годунов, еще неотчетливо, но уже чувствует, кто такие Валечка и Ордынец. Секретарь парткома стоит накануне разоблачения врагов. Но для Валечки и Ордынца наиболее опасен талантливый, умный и чуткий Годунов.

Враги запутывают и компрометируют честных работников (например, Ваишева, своеобразную и яркую фигуру в повести). Но Годунов способен преодолеть и вытерпеть очень многое.

Тогда Валечка принимает решение уличить Годунова, а исполнить это поручает Ордынцу. Предварительно враги подстроили дело таким образом, что смерть Годунова будет признана самоубийством, а после смерти он будет обещан как враг. И Годунов, заревав после бессонных ночей, проведенных за важнейшей работой

на заводе, был убит Ордынцем пулей в лицо.

Ордынец любит по-своему Ирину. Правда, эта любовь не послужила причиной для убийства Годунова. Причина убийства — политическая. Тов. Митрофанов — писатель большого такта: он не снизил своей темы толкованием преступления Ордынца сексуальным фактором.

Ордынец после убийства Годунова приходит к Ирине. И тогда, тонко играя, Ирина разоблачает убийцу. Ей помогло в этом ее нравственное преимущество человека нового мира, а Ордынца обессилил страх и психопатология человека старого мира. Тов. Митрофанову удалось запечатлеть этот эпизод с большой художественной силой и прамотой.

По «музыку не рассказывай», как говорится в повести по поводу Ирины. Так и мы не собираемся здесь рассказать «своими словами» прозаическое изображение строения, как «Ирина Годунова». Наша задача в отношении новой повести Митрофанова очень скромна: поделиться с читателем своими соображениями и разложить по поводу появления в печати смелого и своеобразного произведения.

Поэтическое дарование т. Митрофанова имеет свои особенности. Во-первых, чтобы понять и признать прозу Митрофанова как талантливое поэтическое искусство, нужно иметь желание терпеливо внедриться в нее: проза Митрофанова написана выразительно, тесно, и, чтобы освоить ее, тоже нужно некоторое напряжение со стороны читателя; при поверхностном чтении, при чтении без желания трогать собственные слухи на понимание писателя смысл и поэзия повести Митрофанова могут остаться не освоенными читателем.

И, во-вторых, необходимо — для того же наилучшего усвоения повести, — чтобы субъективное мировоззрение и убеждения читателя были очень близки к убеждениям автора, поскольку т. Митрофанов не только не скрывает своих убеждений, но и излагает автобиографические факты, исполняется негодованием по поводу деятельности Валечки или Ордынца (чего у нас объективничать!). И все же и эти страшные повести, публицистические по материалу, написаны с такой простотой и душевной искренностью, что они не нарушают общей поэтической мелодии повести, а делают эту мелодию более страстной и напряженной.

Писатель-орденоносец М. Шагиния собирает материал для своей книги «Т. Г. Шевченко» в Полтавской области, в местах пребывания Шевченко. На снимке: М. Шагиния с молодыми сельхозработниками села Дняньки. Фото А. Никифорова.

ХОЛОДНЫЕ РИФМЫ

М. МОЛОВ

Появление нового поэта всегда было волнующим событием в литературной жизни.

Новая книга стихов! Кажется, что раскроешь ее — и услышишь новый, живой, незнакомый еще голос, который рассказывает о нашей широкой и умной жизни, найдишь то, мимо чего часто проходим, не замечая, поймешь и оценишь то, что не нашло еще своей оценки. Так обычно начинается у нас жизнь настоящей книги — с предчувствия неожиданной правды человеческого ума и сердца.

И неприятнее всего почувствовать разочарование. Открываешь первую страницу, читаешь первое стихотворение, — и внезапно наступает опасное спокойствие, это самый страшный враг поэзии. Спокойствие уничтожает непосредственность восприятия, начинаешь мелочливо вдумываться в строки, искать скрытый смысл и, не находя его, разочаровываться.

За настоящими стихами всегда можно представить себе облик поэта, его темперамент; поэт у читателя начинается именно с этого — с такой субъективной биографии, возникающей в нашем представлении.

Когда задумываешься о поэте Чивилихине, биография его не получается. Равнодушно сдуешь с его холодных рифм.

Живое волнение, дерзость самостоятельности — без этого нет и не может быть молодого поэта. Чивилихин поражает спокойствием. Иногда в его стихах встречаются слова о счастье, но их уравновешенность рождает неверие в правдивость этого самого сумбурного и самого совершенного чувства у поэта.

Кто и кто вдохновляет поэта Чивилихина? Порою мы чувствуем в его стихах влияние Верхарна. Но Верхарн — в первую очередь поэт огромной, умной взволнованности, какого-то счастливого, задыхающегося гнева, чудесной дерзости. А стихи Чивилихина — медленное течение реки, не спеша ищущей своих берегов.

Природный дар поэта — это его сердце, ум, глаза, слух. И стоит только появиться поэтическому дарованию, как оно само прельяет свои права на нужный ему ритм. Даже создания новых ритмов никто не требует от поэта, что начинаешь поэта. Ритм есть везде и во всем, в каждом шаге, в каждом вздохе. В поэзии он разработан так широко, что поэт непреднамеренно найдет свой ритм и вопьется в него свои непосредственные слова. И затем уже появляется требование технической отделки поэтического произведения. Тут уже нужна терпимость и точность.

Поэт Чивилихин далек от этих требований. Прежде всего он несомненно талантливый. Стихи написаны при помощи таких

затертых образов, как «хвяти-птицы», «солонка лик», «смах жемчужный», «дымный туман», «мошная волна», «сухая Гренландия» и т. д., таких затертых рифм, как равнин — вершин, час — нас, волной — собой, вновь — любовь, и наконец маленького «шедевра» — надлежит — принадлежит.

Поэт невнимателен к самому себе: В разное река Чусовая, Зесь омыты глубже небес... Как туман гнилая Лохматый над берегом лес.

В третьей строке слово «навис» воспринимается, как существительное. Поэт написал стихи и сам не попробовал их на слух.

Минимум оригинальности позволяет поэту вносить в стихи слабые, неослабительные образы: «семь звезд — единственные семьи, что отца не знали никогда».

Стихотворение о леснике, как и большинство других, написано тоже излишне пыльным слогом. В разное торжественных слов тонут зерна содержания.

Когда же солнца лик в зените — В тот час полуденной тишины — Лучей крутящиеся нити К подножью елей сведены, — Они изводят мрак обманливый, Златат ветвей покров густой.

«Встречай меня, мой друг желанный, Подвизник смелый и простой.

Это напоминает того поэта, из горьковских русских сказок, который, вдохновившись увиденным на улице кнутом, написал:

Как черный бич, в пыли дорожной Лезит — раздален — труп змеи, Над ним рои мух гудят тревожно, Вокруг — жуки и муравьи.

Опасность оплошания важных и серьезных тем возникает именно из такой однообразной стихотворной манеры, в которой пишутся стихи на все и вслащеские темы одинаково.

«Мир дольний», «суша плотная», «просторы звездные небес» — такие широкие антитезы только тогда оправданы в поэзии, когда они свежи и способны вызывать яркие и правдивые представления — зрительные, слуховые, наконец, философские.

Очень беспомощны попытки поэта сравнить нашу действительность с древнегреческими обычаями и событиями.

О том до нас дошло повествование, Что в Аттике, преданными боготы, Три партии враждой непримиримой Друг другу дождались. И в одну Входили все живущие в равнинах, В другую — все, кто жил

А в третью — все живущие в горах. В таких же неторопливых белых стихах дальше приводится сравнение с нашим днем выборов — 26 июня 1938 года.

Пышные образы («шумящих лип торжественные хоры», «грань изумрудная»), архаизированная фольклорная выдумка («храме Энергии-богини, родившейся из пены волн», не ставят поэта ближе ко всему аляскуму, приемлемому нашей поэзии, — к простоте, величю и оправданной торжественности.

Кажется, что поэт все время осторожно ходит около главного — около своей темы, ходит и боится откликнуть ее. Такая нерешительность, конечно, не может быть названа творческими поисками. Она и лишает поэта собственного облика, самостоятельного голоса.

Это в значительной степени объясняется излишней «литературностью» поэта, его пристрастием к таким, например, обыденным словам, как «тнтся», «преткатель», «вновь» и т. п. Это его и делает спокойным, уравновешенным поэтом.

Но несколько стихотворений, помещенных в этой книге, дают основание надеяться на способность поэта приобрести свой голос. Это стихи о Джордано Бруно, о Циолковском, о Менделееве. В них есть вдохновенные, поэтические мысли.

Такими стихами и нужно начинать поэту свою творческую жизнь.

Роман А. Кожевникова не вызвал больших споров. Его художественная ценность и глубокая правдивость, уже отмечавшаяся в печати, и на этот раз были признаны всеми без исключения товарищами.

В Советской стране построено много новых городов, — говорит Н. Замощкин. — У каждого из них своя история, о каждом из них ходят легенды. Роман А. Кожевникова, написанный, особенно в первой части, чистым русским языком, с большой силой и правдой воспроизводит легендарную историю строительства советского Севера.

Но, продолжает Н. Замощкин, — странный, поэтический стиль первой книги романа не сохранен во второй его части. И язык, продолжающий оставаться чистым и ясным, теряет какую-то свою музыкальную ноту. Автор идет по тропинке дорожке беллетристики, и многие герои и положения во второй части романа приобретают условный, расплывчатый характер.

Почти все товарищи считают упреком Н. Замощкина несправедливыми. — Первая книга романа — это спокойное течение большой реки, — говорит Е. Златова. — Это время, в котором люди живут и работают неторопливо. Вторая книга — о беспокойном человеке, темны жизни ивые, и писать вторую часть в стиле первой было бы невозможно.

То же самое повторяет В. Кожевников. — Край и людей, — говорит он, — изображенных в книге Кожевникова, я полюбил. Я верю книге. А это — главное.

В чем удача автора? — «Брат океана» написан вне распространенной манеры создавать положительных героев одной фразой или поступком, — говорит А. Рагозин. — Часто писатель берет лишь одну положительную черту в герое и прилепляет ей грандиозные размеры, стараясь поразить этой чертой читателя. Герои А. Кожевникова не обладают никакими уникальными достоинствами. Это обычные, рядом с нами живущие люди. В этом предельно книга.

О многих достоинствах книги говорили также тт. Ю. Либелинский, А. Пущков, Н. Кауринич, Е. Леваковский.

О недостатках говорили меньше. Критические замечания товарищей касались отдельных спорных деталей и приемов художественного изложения событий. Олигичи критичны, недостатков, по мнению большинства присутствующих, существует в «Брате океана». Большевик Василий во второй части романа схематичен, и эта схематичность главного героя портит книгу. По замечанию Л. Волотовской, Василий проходит во второй части романа, расставив остальных героев, меняя им и читателю. Самым большим человеком в книге становится прекрасно выписанным автором Большим Сень. — Может быть, — продолжает Волотовская, — если бы автор работал над Большим Сеньем, как над основным героем романа, вещь стала бы еще более поэтической и правдивой.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

«БРАТ ОКЕАНА»

Роман А. Кожевникова не вызвал больших споров. Его художественная ценность и глубокая правдивость, уже отмечавшаяся в печати, и на этот раз были признаны всеми без исключения товарищами.

В Советской стране построено много новых городов, — говорит Н. Замощкин. — У каждого из них своя история, о каждом из них ходят легенды. Роман А. Кожевникова, написанный, особенно в первой части, чистым русским языком, с большой силой и правдой воспроизводит легендарную историю строительства советского Севера.

Но, продолжает Н. Замощкин, — странный, поэтический стиль первой книги романа не сохранен во второй его части. И язык, продолжающий оставаться чистым и ясным, теряет какую-то свою музыкальную ноту. Автор идет по тропинке дорожке беллетристики, и многие герои и положения во второй части романа приобретают условный, расплывчатый характер.

Почти все товарищи считают упреком Н. Замощкина несправедливыми. — Первая книга романа — это спокойное течение большой реки, — говорит Е. Златова. — Это время, в котором люди живут и работают неторопливо. Вторая книга — о беспокойном человеке, темны жизни ивые, и писать вторую часть в стиле первой было бы невозможно.

То же самое повторяет В. Кожевников. — Край и людей, — говорит он, — изображенных в книге Кожевникова, я полюбил. Я верю книге. А это — главное.

В чем удача автора? — «Брат океана» написан вне распространенной манеры создавать положительных героев одной фразой или поступком, — говорит А. Рагозин. — Часто писатель берет лишь одну положительную черту в герое и прилепляет ей грандиозные размеры, стараясь поразить этой чертой читателя. Герои А. Кожевникова не обладают никакими уникальными достоинствами. Это обычные, рядом с нами живущие люди. В этом предельно книга.

О многих достоинствах книги говорили также тт. Ю. Либелинский, А. Пущков, Н. Кауринич, Е. Леваковский.

О недостатках говорили меньше. Критические замечания товарищей касались отдельных спорных деталей и приемов художественного изложения событий. Олигичи критичны, недостатков, по мнению большинства присутствующих, существует в «Брате океана». Большевик Василий во второй части романа схематичен, и эта схематичность главного героя портит книгу. По замечанию Л. Волотовской, Василий проходит во второй части романа, расставив остальных героев, меняя им и читателю. Самым большим человеком в книге становится прекрасно выписанным автором Большим Сень. — Может быть, — продолжает Волотовская, — если бы автор работал над Большим Сеньем, как над основным героем романа, вещь стала бы еще более поэтической и правдивой.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

В конце вечера выступил А. Кожевников, поделившийся с товарищами своими впечатлениями от Севера. Просто и ясно рассказал он о том, как писалась книга — по бесхитростному рассказу настоящих, живущих на Севере больших и новых людей.

И. НОВИЧ СУД НАД ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Семьдесят пять лет тому назад парижский суд присудил к каторге одного из величайших сынов русского народа, гениального мыслителя, ученого, писателя, революционера-демократа — Н. Г. Чернышевского.

31 мая 1864 года над ним совершили варварский обряд «гражданской казни», выставив его к «позорному столбу» и на другой день увезли в Сибирь. Это было завершение несмысленного по произволу и подлости процесса, учиненного самодержавием над Чернышевским.

7 июля 1862 года на квартиру Чернышевского явился полковник Ракеев в сопровождении жандармов.

Еще двадцать пять лет тому назад, когда полковник только начинал свое карьеру, он «привозил» на санях гроб с телом Пущкина, увезенный ночью, тайно, воровски, для погребения в Святогорском монастыре. То было давно. Теперь Ракеев стал уже полковником и имел в Петербурге собственный дом.

Чернышевского арестовали и заточили в Петропавловскую крепость, тюрьму, символически расположенную вблизи царского Зимнего дворца. Ночью начальник III отделения Потапов доложил шефу жандармов В. А. Долгорукову, что «в городе, благодаря богу, благополучно... арестованы сделаны удачно».

Следственная комиссия начала лихорадочную работу. У правительства не было против Чернышевского никаких действительных улик, кроме открытой, подпольной, литературной деятельности властителя дум революционной молодежи. Следственная комиссия должна была изобрести улики. Надо было что бы то ни стало обвинить Чернышевского. И комиссия это сделала. Она фабриковала фальшивки, покупала нужных ей «свидетелей»-провокаторов, докла-

дывала царю о ходе следствия и, одобряя их, действовала дальше, готовила «Дело Чернышевского»

А. ГОРНФЕЛЬД

Эпиходов — какая странная фамилия. Почему она звучит так странно и так удивительно соответствует облику этого человека? Она странная и в то же время как-то уютная. В «Вишневом саду» все жуево. Жуево уже то, что Чехов вставил в своей пьесе веселый фарс, а для Станиславского это была «тяжелая драма русской жизни». Расходясь так решительно, кто же был из них прав — тот или его лучший истолкователь? Но мы и не пытаемся их примирить и живем в ощущении, что оба были правы.

«Ревизор», — говорили в свое время, — страшен тем, что в нем нет ни одного «положительного лица», что в нем все как-то уроды. «Вишневый сад» страшнее: в нем уроды в массах прекрасных людей, или — они же — прекрасные люди в массах уродов. Все иррационально, все многозначно, все смешано, все в гротеске, безумном, невероятном, и, однако, реальном, милым, однако, возмущающим, забавным, однако, страшным.

Все окружающее, например, ласково внимательны к старому Фирсу, но пьеса кончается тем, что все разбегается, а его, умирающего, заколачивают в пучок дома, как в гробу. Это делают благодарные, честные, добрые люди — и это необходимо в безумной атмосфере вишневого сада. Не надо думать, что здесь виновата предвечная сутулость: вся жизнь этих людей так же сутулится, как и жизнь их.

Хороши они или плохи, старые и молодые, привлекательные и отталкивающие, верхи и низы, — люди этого прекрасного вишневого сада все так или иначе непохожи. Студент Трофимов может еще отмахнуться от денег, предлагаемых ему Лопухиным, и заработать переводом, но прочие сверху донизу могут жить только чужими, не трудовыми деньгами или состоять при тех, кто такими деньгами живет. Любовь Андреевна Раневская — прелестное существо, обожанное окружающими: нежная и искренняя, порывистая, всякая-то, всякая-то, но, к сожалению, она не только неспособна на какое-либо активное дело, — она создана, чтобы быть вокруг себя только доброй, — а ведь трудно подсчитать, сколько всепроникающего зла исходит из ее безделья, из ее амуров, из ее легкомыслия, из ее расточительности, из ее наивной и органической потребности всегда быть кем-то обслуживаемой.

Нельзя безаканно принадлежать хозяевам вишневого сада: это непременно ведет к ослаблению нравственного чувства, к ущербу здравому смыслу, к утрате жизненной ориентации.

Всегда ли говорит Леонид Андреевич Гаев или по общему мнению строит из себя шула горохового, — все равно: это всегда шутство, забавное и невнятное. «Ты уходи, Фирс», — говорит этот немолодой уже и порядочный человек бессмысленно-милостивому Фирсу. — «И уйди и быть, сам разденуся». Это, может быть, шутка, но ведь это и очень серьезное. «Ты же любишь, уважаешь... но, милый дядя, тебе надо молчать, только молчать». И он это знает и кается в своей буйской речи и шутке — и тут же балласт. За немением лучшего Гаев поет — на полчасика — на службу в банк, но по существу, средства к жизни должен давать не труд: все основано на мысли о чужих деньгах.

«Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытаться счастья у тетушки графини». Так мечтают эти порядочные и благородные люди. Им не везет: тетка, действительно, дала пятнадцать тысяч, — на выкуп вишневого сада нехватало, но на новую поездку Любови Андреевны в Париж в сопровождении лакея Яши к возлюбленному хватило.

Пока что деньги в этом строе сваливаются имущим на голову — и они это знают, и это поддерживает их в их немнимо-мощи и безделье. «Не теряя никогда надежды, — смеется забубенный Симеонов-Пичиц. — Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан, глядь, — железная дорога по моей земле прошла и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра... Двести тысяч выиграл Дашенька... у нее билет есть». И выигрывает: ведь азартные игры всегда выигрывают, пока не проиграется окончательно.

Это не бессмыслица счастливого случая: это бессмыслица быта, бессмыслица строя. И все окружающее — будет ли это Шарлотта со своими фокусами или Лопухин со своими миллионными — органически воплощает эти ролевиты «людей воздуха», восполняет социальный сумбур, которым завершается многовековое дворянское царство.

Из работы о фамилиях у Чехова.

Понятным, нормально осмысленным здесь не может быть ничто и никто. Старый Фирс воспитатель в своей трагичности, в своей наивности, в своей заботливости о других, но ведь он страшен в своей преданности господам, в своей насильно рабской психологии. Крепостное рабство вышло в нем свободную душу.

Как зовут этих людей «Вишневого сада»? Как выражены их общественный и личный облик в их родовых именах?

Как полагаются, у Фирса, у Яши, даже у гувернантки Шарлотты Ивановны — нет фамилии. «А откуда я и кто я, не знаю...» — говорит Шарлотта: «Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю». У людей без роду каковы же родовые имена? Они только в паспорте записаны: Фирс Трофимов — это только Трофимов; сирота и незаметно; купец Ермолаю Лопухину гордится благородством своего имени тоже не приходится, так как «Лопуха», «Лопуха» значит, обжора или друг. А горничная Дуляна, встретившись с Яшей после его приезда, напоминает: «Дуляна, Федора Козолова дочь. Вы меня не помните». Ну, конечно, мужику кем же и быть, как не Козоловым. У мужика вообще долго не было никаких фамилий. То ли дело Раневские, Гаевы, Симеонов-Пичицки: у них не только большие имена, но и большие деньги.

Впрочем, в эпоху «Вишневого сада» имена эти столь стремительно переходят к Лопухиным, что, кажется, у владельцев таких имен скоро останутся только имена. Зато громкие и звучные эти имена. Кажется, достаточно назвать их, чтобы потребовать почтения к носителю такого барского имени.

И вот, среди них Эпиходов. Семен Панделевич по имени, конторщик по профессии, «двадцать два несчастия» по прозвищу. «Не могу одобрить нашего климата», — говорит он и выхаживает. Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз. Вот, Ермолаю Алесеевичу, позовьте вас присовокупить, купили я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности.

Этих немногих слов достаточно, чтобы ввести нас в атмосферу скудоумия, беспомощности, претенциозного космопатизма, определяющего Эпиходова. Никому нет дела до его скрипящих сапог, но он их «присовокупляет» к климату, который тоже обходится без его «одобрения». При этом, смешной и жалкий для всех, он полон ощущения своего достоинства, равенства всем и некоторой роковой избранности. Приниженный и в то же время бессмысленно гордый сознанием своей предосторожной неудачливости, он неизменно с самого начала до конца также косяком натывается на стулья, роняет букеты, давит коробки с шпательями, ломает книжки, как и беспомощно барахтается в полох усвоенных трафаретах того, что ему кажется языком образованности.

«Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю». Если, допустим, я никак, тогда зачем же севодня утром я проснулся к примеру сказать, глядя, а у меня на груди странной величии паук... Вот такой. И тоже кивает, возмущен, чтобы написать, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, в роде таракана (паука). Вы читали Бокля?

Этого ударения на я — Бокля — нет в печатном тексте Чехова, но оно есть в исполнении Художественного театра, — и кто бы ни был создателем этой мелочи — актер, режиссер или писатель — она достояние автора «Вишневого сада», в ней превосходно выразилась живая Эпиховость. Он весь в этом монологе. Его прозвище, ставшее крылатым словом, применительно, как весь его облик, осмысленной бессмыслицы полна и эта клочка. Эпиходов неудачлив, неловок, ограничен, не знает своего места, его преследует — мнимые или настоящие — несчастия: по почему двадцать два? Откуда эта убийственная, нежная и злая математическая точность? Она характеризует его, она смешна и бессмысленна, как весь ее носитель в своих повадках и претензиях. Но разве она только смешна? Сам Эпиходов разве только смешон?

«Вы... не желаете меня видеть», — говорит он, тяжело вздыхая. Дуляна: — как будто я какое насекомое. Несомненно, может, и правы. Но, конечно, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволяете же так выражаться, известные за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. Это нескладно и беспомощно, но

ведь оно выражает искреннее чувство. Эпиходов хочет только сказать, что любит Дуляну. Он полон неподдельного и, быть может, глубокого чувства, но выразить только смеет. Он хотел бы найти доступную форму для своих излияний и умеет только загрозить им без нужды и к кому-то заимствованными и неуместными «собственно говоря», «позвольте вам присовокупить» и т. д.

«Я развитый человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне, али застрелиться... но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер» (показывает револьвер). Это потешает окружающих. «Ты, Эпиходов, очень умный человек и очень страшный», — трюнит над ним Шарлотта. Но Дуляна, в которую он безмерно влюблен, знает его лучше. «Ее дал бог, встретился», — беспокоит она, тем же выражает общее чувство: не только самобытностью и даже нелепым убийством может случиться и после довольно закончиться делами боготы этого горделивого и забитого неудачника. Точно рыжий в ширке, он неловко толчется среди действующих лиц, вызывает во всех пренебрежительную усмешку несообразности всякого своего движения, внутреннего и внешнего. Без толку метается он не только в комнатах помещицкого дома, но и между классами. Он конторщик, к нему относятся благодушно, но его третируют, как лакея, ему говорят вы; раздраженная, но ведь не зная Варя попросту выгоняет его с вечеринки. «С меня выспрашивать, позволяете вы выразиться, вы не можете, — обижено говорит он. — Работая ли я, хожу ли, кушаю ли, правя ли на бирже, про то могут рассуждать только люди понимающие и старшие». И уступает в ответ: «Биржайя же моя отсюда! Сию минуту!» — он тотчас же ступил: «Прощу вас выразиться деликатным способом».

Его поверхностное, худое, пустопопное, выхоженное — только поныта самозащиты, и такая же жалкая, как весь он. Социальный межумок, культурный недосок, он коснувшись, образчик какого-то знания, он также мало способен занять свое место и отстоять себя, как и справится с манашиными его формами образованности или с требованиями простого здравого смысла и окружающего быта. Выбитый из колеи, он неожиданно в действиях, как нежданно в словах.

Проявления скудоумия так же непредвидимы, как проявления ума; в этом смысле в глухости есть своя выдумка, свое извращенное, пародированное творчество. Можно предвидеть, как поступит или что ответит Трофимов или Лопухин, но невозможно в путях здравого человеческого рассудка предсказать, что сделает или скажет Эпиходов. Он нецен, то-есть нелогичен — и вот это расхождение с ожидаемым, и притом, с логичным замечательно выражено в его фамилии.

Чтобы понять это, надо разложить ее и осмыслить. Она состоит из двух частей, по происхождению вполне разнородных и ничем логическим не связанных. В русском языке слова, начинающиеся слогом «эпи», — это слова греческого происхождения и церковного обихода: епископ, епархия, епитимья, епархия. В более старом языке употреблялись и иные аналогичные образования: говорили епитимья, епидемия и т. п. По это ново-греческое чтение давно вышло у нас из научно-литературного обихода, и лишь как смешные архаизмы воспринимаем мы (принимая еще в слове Дала) епитимью и епизод, епигению и епигор. Однако в составе этих слов есть логика. Не то здесь, Слово Эпиходов начинается с «эпи». В ощущении, призываем к епископу и епархии, возбуждается и смещение чего-то истового, церковного, древнеязычного, во всяком случае, не русского. И вдруг после «эпи» мы слышим: ходов. Почему «ходов»? как здесь может быть «ходов»? Иностранное должно бы заканчиваться иностранным, архаическое начало предполагало бы и архаический конец; во всяком случае, требовалось бы какое-либо смысловое оправдание. В русском языке есть — хотя очень редко — слова такого двуязычного происхождения, каковы, например, новое техническое «теплогификация» или старое семинарско-юмористическое «протоканалья»; но там и здесь ясен смысл, — и во всяком случае это не те слова, которые в свое время могли стать прозвищем и основой для фамилии.

Имя собственно вытекает из нарицательного — оно должно быть хоть в своем истине понятно. Понятно, естественно, различные фамилии Тихоходов, Скороходов, Пароходов, эсти углоно, — Кривоходов, Переходов: это может что-нибудь значить, это имеет свой смысл, свою логику. Но какая логика, какой смысл в слове Эпи-

ходов? Эпиходов — это не только ничто не значит: это бессмысленно по своей структуре, это нелепо, как нелеп человек, носящий это имя. Это его характеристика.

И символичность этого имени, конечно, глубже и реалистичнее подчеркнутости таких фамилий, как Стародум и Скозлов, Собакевич и Разуваев, так как здесь выразительность достигнута более тонким путем.

Некоторую аналогию с Эпиходовым в столь же неподходящем сочетании несвязанного представляется в «Вишневом саду» фамилия Симеонов-Пичица. Подобно Гаеву и его сестре, это старый барин, но, приспосаблившись к новому экономическому укладу, уменший жить только остатками бывшего помещичьего благополучия и лишь поточными доживаниями не заработанных, а с ветру захваченных денег, он не забывает своей родовитости, бесшабашный исток старинного рода, он уже издается над нем: «Мой покойный родитель, ну, царство небесное, насчет нашего происхождения говорил так, будто древний род наш Симеонов-Пичицкой происходит будто бы от той самой лошади, которую Калгуза посядала в сенате».

И вот эта юмористическая достоинственность старо-дворянского рода также подчёркнута меткое выражение в том же родовом имени, как и в безтолковой фамилии разноязычной Эпиходова. Симеонов-Пичицки в соответствии с архаической почтенностью не просто Семенов, а Симеонов — представляется нечто библиеское, торжественное. И вот после этой торжественности — вторая половина: Пичицки. Самым звук этого прозвища не внушает никаких почтительных чувств. К тому же, «пичицки» — это ведь значит свистулька, дулюшка. «Пичицки» — это было провинное прозвище, от которого пошел древний род. Трудно себе представить, чтобы особым уважением пользовался этот отдаленный предок дворян Симеонов-Пичицкой, если он носил такое прозвище. Вся барская достоинственность Симеоновых сводится на нет пичицким звукоподражаньем второй половины громкого родового прозвища. Как будто благозвучно и аристократично, но гораздо больше комично, как и весь бесшабашный и восторганный, наивный и невежественный Борис Борисович Симеонов-Пичицки.

И здесь тоже нет отступления от реальности ради комизма: среди дворянских фамилий было достаточно звучащих старомодной грубостью: были там и Квашинины и Жеребцовы, а родоначальником Романовых был, как известно, Андрей Бобыль.

После тонкого разбора трех форм, в которых является имя героини «Свадьбы Фигаро» — Сюзанна, Сюзетта и Сюзан, Виктор Гюго замечает: «Только гениальному поэту присуще умение давать своим созданным именам, похожие на них».

В личины и родовых имена персоналистки Чехова — особенно в его ранней юмористике — немало поверхностной выразительности и дешевого комизма. Но ведь дальше, тем глубже эта выразительность и содержательнее комизм, и некоторые фамилии у него — например хотя бы всем известному унтеру Пришибе и мало кому известного художника Шишмачевского — могут быть названы поистине замечательными. Это мелочь, конечно, но не в одном искусстве великое складывается из мелочей.

Если Ферганская долина считается жемчужиной Средней Азии, то кипляк Шахмардан, находящийся в 50 км от г. Ферганы, с его живописными горным воздухом, прекрасными пейзажами алтайских предгорий, садами и виноградниками, поистине может быть назван жемчужиной всей Ферганы.

В старое время Шахмардан был известен еще и как «святое» место. Если верить легендам, «пророк» Хазрет-Али был похоронен здесь в горах. Ходжи — потомки этого «святого», или те люди, которые называли себя так, столетиями жили у этой могилы, кормя и жаря за счет наивных богомольцев.

И вот сюда прибыл молодой учитель, поэт и драматург. Его звали Хамза Хаким-Задэ Ниязов. Для ближайших же товарищей он был просто — друг Хамза.

С первого же дня своего приезда в Шахмардан Хамза повел ожесточенную борьбу с ходжами. Всем и каждому он требовал, чтобы справедливый строй на земле — советская власть, что больше и сумасшедшим следует вести не на могилу Хазрет-Али, а в больницы к докторам; что детей посылать сюда не к шейхам и муллам, а в новые школы; что бычий закрывать тию женщины парадной позорной и что незначит работать батраками у баев и у тех же ходжей, когда можно вести хозяйство коллективно.

Хамза не знал отдыха. К его речам прислушивались беднейшие бедняки, школьники. Его речи становились опасными для тех, кто на вершине горы берег могилу «святого» Хазрет-Али. Его речи возмущали контрреволюционеров из «миллионистов». Вокруг молодого учителя и писателя начала плестись предательская сеть.

«Он враг бога, — говорили шейхи про учителя, — ему не место на земле!»

18 марта 1929 г. Хамза сидел в чайхане, недалеко от мазара — гробницы Хазрет-Али. Вдруг бледный, злыхватый мальчуган зашептал:

«Спасайся! Сюда идут шейхи и баи! Они идут, чтобы убить тебя!»

Но Хамза, мужественный человек, глубоко преданной своей идее, не бросился спасаться бегством. Он устремился на встречу седеборным ходжам.

Здесь, в узком переулке, два басмаджа Ягар Нуретдинов и Балта Якубов бросились на него. Злобный шейх Раимхан-Али схватил Хамзу за голову. Был Халдар Рустамов ударил ножом по обнаженной шее Хамзы.

Так умер наш друг Хамза — непартийный большевик, агитатор, безбожник, учитель, журналист, драматург, поэт и композитор.

Лет за пять-шесть до Октябрьской социалистической революции он впервые выступил на литературном поприще, как автор нескольких книжек стихов — «Калы-Гуль», «Зангар-Гуль» и др. В этих книжках стихов наряду с еще слабыми

ученическими строчками попадались произведения, в которых уже видел растущий мастер. Каждая лояря книжечка стихов становилась все совершеннее по форме. Хамза учился у классиков, он изучал народное творчество, жадно зачитывался русскими поэтами. И в каждой новой книжке стихов Хамзы все громче и увереннее звучали социальные нотки.

Скоро Хамза начал работать и над прозой. Он напечатал ряд рассказов, в которых проявил себя, как прекрасный мастер-новеллист. Он находил время и для писания газетных статей и корреспонденций.

Зная, что грамотность в то время еще не проникла во все слои трудящихся узбеков, Хамза обратился к театру. Для него было ясно, что в тот период искусство сцени было наиболее доступно для широких масс. И Хамза начал писать пьесы. Из них лучшими были — «Бай и слуга», «Отравленная жизнь» и шилл пьес под общим названием «Ферганские трагедии».

Классовое неравенство, колониальный гнет, социальную несправедливость ярко показывает он в этих пьесах. Большим успехом у зрителей пользовалась комедия «Наказание клеветника», обличавшая мусульманское духовенство и узбекское байство. Хамза написал также ряд музыкальных пьес, в которых ему принадлежала не только литературная часть, но и музыка. Это — «Черный волос», «Учительница Бубилдон» и др. Посвящены они были работой, бесправной прежде узбекского писателя.

Там, где был убит Хамза Хаким-Задэ Ниязов, сейчас стоит памятник. Отдыхающие в шахмарданском санатории совершают экскурсии на Голубое озеро, на денник Дугва-Сай, на поля богатого колхоза имени Хамзы и наводят место гибели узбекского писателя.

Коллектив работников Узбекского академического театра с честью теперь носит имя Хамзы.

Вит. АФАНАСЬЕВ, С. РОМАНОВ.

На этих днях состоялось под председательством Ахунбаева заседание республиканского комитета по празднованию 50-летия со дня рождения Ниязова Хамзы. Секретарь комитета т. Кусуп Султанов познакомил членов с планом празднования. Комиссия по изучению литературного наследия писателя уже проделала огромную работу по уточнению текстов произведений писателя. Переводится на русский язык его пьеса «Бай и слуга». Республиканские и областные театры готовят специальные постановки пьес Хамзы к юбилейным дням. Ташкентский русский драматический театр им. Горького покажет русским зрителям пьесу Хамзы Ниязова «Бай и слуга».

Заседание наметило также ряд других мероприятий по увековечению памяти Хамзы Ниязова.

Вит. АФАНАСЬЕВ, С. РОМАНОВ.

Киргизские писатели в Москве (слева направо): Маликов, Турусбеков, Шиваз, Уметалиев, Сасыкбаев, Тонтомушев, Тонобаев, Оцакевич, Ешмамбетов, Элебаев, Бокобаев, Айтиев, Саманчин. Фото В. Бабст.

С. ГЕХТ

Поездка в Малеевку

Я много лет собирался посмотреть, как же выглядит пролавленная Малеевка, о которой так часто говорят литераторы. Выявляет, встретиться с кем-нибудь у клубного каминя или на длинной лестнице Госиздата, и краткая беседа обязательно сопровождается следующими фразами: «Я жил два месяца в Малеевке. Работал!» — или: «Еду завтра в Малеевку. Поработать!» Я знал, что это дом Литфонда и что принадлежал он некогда Лавровым и что бывали там в гостях и Чехов, и Горький, и Мамин-Сибиряк. Еще я знал, что Малеевка расположена близ Можайска, в четырехдцати километрах от станции Дорохово, окружена она лесом и лиственным лесом и протекает в ее краях две реки: Москва и Вертушка.

Мне сказали следующие люди: — Не езжайте вечером поездом. Вы не сможете добраться до Малеевки.

Я пренебрег советами знатоков и поехал вечером поездом. И поехал не зря, хотя меня и не ждала у вокзала машина из дома Литфонда. Было приятно и поучительно взглянуть на площадь в Дорохово. Она оказалась типичной площадью в районе со всеми чертами деревенского быта 1939 года, а именно: стояли на ней пыльные деловые автобусы, развивающие приезжих в Рузу и Вереву, и без конца приезжали и уезжали десятки колхозных грузовиков — туда, вглубь они шли, нагруженные бочками с керосином и бензином, железом, мебелью, мешками с сахаром, ящиками с папиросами и парфюмерией. По обеим сторонам отлично вымощенного шоссе были видны следы тракторов, и всю дорогу был

слышен рокот самолетов, прошившихся над низкими облаками. Пассажиры, случайные пассажиры случайной машины (и нельзя было понять, кто из колхоза, кто из Можайска, а кто из Москвы) говорили в приезде Коккина и Горькино. И еще говорили о дожде, который обещает вот-вот грянуть. Все было легко ослы, но все хотело дождя, так как считали его полезным не для себя, а для хозяйства всей страны. Когда же мне понадобилось позвонить на минутную остановку по переносному телефону, я оказался случайным свидетелем веселой хозяйственной горнички, отраженной в старинном аппарате с ручкой. Телефон был полон обрывками разговоров о горючем, о планах, о каком-то празднике и прочем.

Всюду — движение, стремительность и разительно непохоже был этот дорожный пейзаж 1939 года на дорожный пейзаж недавних лет; не те были люди, — и язык не те, и комсомолы не те, и взрослые у них были другие и интересы другие... и я заумался о чувстве нового, отсутствии которого так часто страдают наши литераторы. Вместо того чтобы разоблачить в этой картине и попытке ее, многие продолжают присваивать явлениям и людям нашего времени черты и особенности прежних лет, и отсюда — фальшь. Потому что как и повесть наших отцов, так и повесть недавних лет «...точно повесть из века Стюартов, отдаленней, чем Пушкин витает, точно во сне».

Кстати, мне могут насмешливо сказать: «Поехал человек на дачу — и, выдите ли, обобщает!»

Однако совет мой спокойна, так как эта краткая поездка — только повод для литературного разговора, а слова о типичности я позволял себе потому, что ты-вал в десятках районов и за сто и за ты-

сячу и за десять тысяч километров от Москвы.

Нередко авторы преподносят нам героя или явление жизни, которое они и знали и наблюдали, но, выводя героя или явление недавних лет за героя или явление наших дней, они не замечая этого сами, совершают подлог. Долго недоумевают они потом, почему читателям их новств кажется неестественной, неживой. «Разве дело в сезоне», — скажут они вам, — я не журналист». А дело-то не в сезоне, потому что последние несколько лет — это не просто несколько сезонов, а совершенно новое время, и успехи жут то, что, касаясь этого нового времени, полаг его и не приписывать ему черт и особенностей другого, тоже значительного, но все же другого времени. И поэтому герои новых произведений выглядят иногда старомодными, неуместными; у читателя тогда создается ощущение неловкости.

Особенно часто такие явления наблюдались в нашем театре, где, выражаясь грубо, за попу выдвигается подержанное, а выражаясь фигурально, и телефон не тот, он пошржему комический, лепный провинциальный телефон, и дорога не та, по крайней мере расквашенно-идиллическая, и слова не те, а главное, — мысли не те! Автор думает: «Разве я плохо написал?» Нет, не плохо, да не то — и потому плохо. (Кстати говоря, я познал чужие недостатки главным образом потому, что недурно познал свои собственные).

Да, нигде не покидают нашего брата тревожные мысли о важном нашем ремесле, даже в эти блаженные минуты, когда я наду по лесной тропинке и слышу трехколесные трель начинающего соловья. Мы смотрим в глаза друг другу, он ничуть не смущен, не наугад и продолжает петь.

Лесные поляны усеяны лютиками — кроме них еще нет никаких весенних цветов.

Уже виден за мостиком пригорок, на пригорке — славный малеевский дом и за домом — сад и парса. Уже стали попадаться обитатели дома, и встреча с первой парой была интересной. Было приятно думать, что вот они идут вместе и оживленно разговаривают, а между тем их отделяет друг от друга подвеса. Первый извещает всему Союзу, он литературный сверстник Чехова и Горького, и тридцать пять лет назад Россия с волеином читала его книги о врачах и русско-японской войне. Второй родился тогда, когда первый уже был старым человеком, это — начинающий соловей, в прошлом году он опубликовал свою первую вещь, она понравилась, и вот он вынашивает уже прелести Малеевки. И оба находят общий язык, общие мысли — значит, не так уже страшно (успокаивая себя) поучиться дочным гостем среди новых поколений. Значит, есть в нашей жизни что-то такое, что великолепно стирает общи, памяские паспорта.

Когда же я встретился на тропинке с еще с одним обитателем Малеевки, мне пришли в голову совсем иные, даже грустные мысли. Это был некий редактор на отдыхе, один из тех, кто читает рукописи в уважаемом толстом журнале. Мне временами кажется комичной та вражда, которая существует между редакторами и авторами. Я знаю немало просроченных редакторов, людей со вкусом, чья работа полезна делу нашей литературы, но этот редактор на тропинке заставил меня вновь подумать о чувстве нового, и я решил про себя, что не хотелось бы мне иметь его союзником. Как часто он говорит авторам: «Ваши герои не похожи на современных людей. Разве таким должен быть коммунист или директор завода? и т. п.». Он совсем не знает жизни и требует от литераторов, чтобы они заменили существующее должностным, он мыслит не временем, а сезоном, и спекулируя понятием чувства нового, на самом деле требует от литераторов чувства сезона, вульгарно ду-

шат два понятия: современное и злободневное.

А вкус его — он так же сезонен, как и его мировоззрение. И к тому еще — слышал я, да не знает, откуда он. К нему приходили неизвестные авторы с произведениями, которым сейчас гордится наша литература, а он отвергал их, уныло поучая, что искусство — это шенельность, искусство — это выворот, а у вас, мол, нет этой «шенельности» или сумасшедшинки»...

Что-то скандируя, хохит вокруг дома поэт, которого десять лет считали серым, безнадельным. Он и сам начал так думать о себе и даже изобрел неуклюжую теорию в защиту серого, среднего направления в литературе. И вдруг написал совсем не серые, превосходные стихи. Он и сам не понимает, как это случилось, и новые свои аркае вещи предлагает вниманию, как очередные серые опыты. Я потом перечитал его прежние стихи и подумал, что он никогда не был серым, но голос его был скван, и он поблек оттого, что его не любили.

Я приехал сюда с тем, чтобы погулять, и поэтому я с почтением, даже с чувством трепета брожу по парку, мимо широких трехстворчатых окон, за которыми знакомые литераторы пишут сейчас свои, еще неизвестные мне, сочинения. В округе расцвела черемуха, а в рощице кукушки, чтобы послушать весеннее кукушье, и невольно очутился под открытым окном исторического романста. Он живет здесь с женой, она исполняет в его литературном хозяйстве обязанности секретаря. Я услышал, как он попросил ее прочесть ему предыдущий абзац.

«По мосту шли англичане в пробковых шляпах, арабы в бурнусах, турки в фесках, кричащие торговцы сладостями, коренастые американские матросы...»

Лжет человек в прелестном месте, и все, что происходит вокруг него, и все, что окружает его, и все, с чем он встречается, когда выходит из своей комнаты, — все это неповторимо, а он извлекает из ящика стандарт за стандартом. А кукушка в рощице поет как-то хрипловато — и я подумал, что если бы этому романсту понадобилась кукушка, он написал бы при всех случаях: «Звонко куковала кукушка».

Да, мучи слова, вернее, сочетания слов! Потому что нет мертвых слов, а есть мертвые сочетания, вроде «густой стеной» и пр. Нам хорошо знакомы две болезни: боязнь слова и равнодушие к нему. Слова богу, прошло то время, когда молодые литераторы, большие словоблуды, называли главы то зеньками, то пепами или атаманами и безбожно калечили язык, чтобы не назвать предмет так, как его называли другие. А между тем дело не только в слове, а в слове — в сочетании слова. Безленз словообраз как будто миновала, но существует — увы! — другая болезнь — равнодушие к слову. Есть группа молодых литераторов, которые считают — не в шутку, а всерьез — всякие поиски своего, индивидуального выражения ненужными и провозглашают принцип «серого солдатского сука» (подлинное определение). И этим — увы! — они гордятся.

Мысли о литературных противниках начали меня изрядно раздражать, а между тем я приехал сюда на денек отдохнуть. Но вслед за неприятными мыслями — приятные. Очень хорошо, подумал я, что вкус бесмертен, как бы ни старались некоторые его нивелировать, сбить. Время, вернее, наше советское время, работает удивительно хорошо. Не успеешь оглянуться, как оно уже исправило неулюбленные частные литературные ошибки, — оно распространяется с дурными, безвкусными и беспомощными книгами, ошибочно, а то и с злым умыслом, расхваленными и несправедливо рекомендованными читателю.

«АЙЧУРЕК»

Можно с увлечением говорить о музыке «Айчурек», об актерском исполнении, о сказочном сюжете, о мастерстве художника, об интересной работе балетмейстера, о замыслах постановщика и их осуществлении и о многом и многом другом. Но, мне кажется, важнее говорить о том впечатлении, которое производит опера в целом.

Спектакль «Айчурек» дает образное, наглядное представление о характере киргизской культуры, киргизского искусства.

Своеобразие киргизской музыки — в ее очень большой близости к восприятию природы; инструментальная и вокальная музыка киргизов очень проста, ясна, прозрачна и построена преимущественно в мажорных интонациях. В ней нет ничего изощренно-орнаментального, изнеженно-плащного: чья часто у нас акцентируется с представлением об «ориентальном» в искусстве.

Из критического разбора спектаклей киргизского театра и «Айчурек», как наиболее значительного из них, извлеку для себя много полезного и поучительного не только для киргизского театра, но и мастера советской оперы в Москве и других республиках.

В творческом содружестве молодых, только начинающих свой путь в искусстве работников киргизского театра с опытными московскими мастерами рождается новое оперное искусство. Мы являемся свидетелями создания нового театра, новой национальной музыки и национальной оперы. И мы, москвичи, также, как и работники искусств всех остальных союзных республик, стали богаче — наш художественный опыт стал разнообразнее и глубже.

Хочется поделиться своими впечатлениями о молодых талантливых артистах киргизского театра. С. Кизилбаева, исполняющая партию Айчурек, производит чарующее впечатление. Вот она в первой сцене не выходит печальная, убитая горем, к злему батыру Чинголку. Сколько непосредственности, правдивости в игре актрисы. Вы забываете, что перед вами театральное представление и мысленно переноситесь в еще сравнительно недавнее время, когда судьба киргизской женщины была столь трагична и безнадельна.

Прекрасно дарование молодой актрисы Анавар Кутубаевой, исполняющей роль девочки Калыман, младшей сестры Айчурек. Абдылас Малдыбаев играет батыра Кудукова. Артист пленяет своим совершенно свободным, я бы сказал, естественным поведением на сцене, он больше живет в своем образе, чем играет роль. А. Герштейн в роли Чапчиге обнаруживает хорошую вокальную школу, неза-

урядное дарование драматической актрисы. К сожалению, нас не полностью удовлетворил Д. Салыков в роли Семетей. Он слишком однообразен, однотонен. Ему хорошо удаются батальные сцены, но в интимных, лирических сценах он не может освободиться от внутреннего напряжения, он только воит, человек меча, а не нежный возлюбленный, который из-за любимой Айчурек пошел войной на Толтоя и Чинголку.

Нужно отметить исключительную поэтичность, чистоту хоров в опере «Айчурек». Искусство хоровых ансамблей — верный залог будущего развития оперной культуры киргизского театра. Мужские голоса, за редким исключением, в своих сольных партиях на верхних нотах кажутся излишне резкими.

Композиторы Власов и Фере добились большой победы в своей работе над «Айчурек» прежде всего благодаря своему умению чутко ловить самое характерное в интонационной и ладовой природе киргизского мелоса. Элементы киргизской народной музыки композиторам удалось очень культурно использовать для законченных оперных частей («Айчурек»). Некоторые арии, симфонические и хоровые эпизоды производят глубокое впечатление.

Абдылас Малдыбаев проявил много вкуса и умения в собирании киргизского фольклора. У него есть все данные, чтобы стать замечательным национальным киргизским композитором.

Всяческая похвала заслуживает работа балетмейстера Хофдина. Сейчас более уместно говорить не о достижениях киргизского балета, а о путях, по которым он идет. В ташках хорошо выражена пластическая и музыкальная природа киргизской оперы. Плещут в кордебалете киргизской оперы не только ноги, но и руки, используются все пластические возможности человеческого тела.

Народные сцены — батальные, хоровые балетные — сильнейшие места в «Айчурек».

Художник Штоффер принял все богатство и многогранность киргизского эпоса. Штоффер прост и наряден одновременно, эпичен и лиричен в равной мере. У Штоффера надо учиться тому, как использовать богатство и разнообразие декоративных аксессуаров в спектакле, не подавая индивидуальности актера.

Свои богатые мысли о виденном на спектакле «Айчурек» мне хочется закончить словами глубокой и искренней признательности к товарищам — мастерам Советской Киргизии. Многие и главное вам еще предстоит в будущем, но и то, что вы нам показали на спектакле «Айчурек», имеет огромное значение для всей оперной культуры.

Обсуждение выставок «Двадцать лет ВЛКСМ» и «Индустрия социализма» вызвало среди художников горячую дискуссию о натурализме.

Споры эти весьма своеобразны. Общественное мнение нашей страны высоко ставит реалистическое изображение жизни и отражает всякого рода формалистические кривляния. Но под флагом реализма часто выступает бездушие, много объективное воспроизведение внешнего облика жизни. Об этих отрицательных явлениях в искусстве превосходно писал А. М. Горький:

«... Натурализм технически отмечает — фиксирует» факты: натурализм ремесло фотографов, а фотограф может воспроизвести, например, лицо человека только с одной, скажем, печальной улыбкой для того же, чтоб дать это лицо с улыбкой наименьшей или наибольшей — он должен сделать еще и еще снимок. Все будет более или менее «справда», но правда только для той минуты, когда человек жил реально или грезил, или радовался. Но «справда» о человеке во всей ее сложности фотограф и натуралист изображать бессильны».

Редакционные статьи «Правда» всегда призвали к борьбе против всякого рода фальши в искусстве, в том числе и натуралистической фальши. От этих принципиальных установок нет никаких оснований отказываться. Однако происходящие в настоящее время споры о натурализме создали вокруг этого вопроса известную путаницу. Некоторым из участников дискуссии показалось сомнительным даже существование натурализма, как чего-то отличного от правдивого, реалистического изображения жизни, как чего-то противоположного реализму в искусстве. Во время обсуждения выставки молодых художников, посвященной 20-летию ВЛКСМ, академик Е. М. Ярославский высказался следующим образом: «Известно, что французский писатель Золя — основатель школы натуралистического романа. Золя писал великие романы. Если наши художники изображают так шахтеров, как их описывал Золя, это будет хорошо» («Советский артист», № 21/227 от 12 апреля 1939 года).

Пример т. Ярославского послужил началом обширных споров о Золя и его значении в истории литературы.

Известно, что Энгельс считал Балзак «гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего»¹. Это отнюдь не проявление личного вкуса. Энгельс подчеркивает здесь глубокое различие между классическим реализмом Балзака и последующей, более низкой ступенью развития буржуазного искусства, которая выдвинула натуралистические идеи.

Как мы дальше покажем, Золя наиболее силен как художник там, где он разрабатывает пути собственной натуралистической эстетики.

На обсуждении выставки «Индустрия социализма» т. Ярославский сформулировал свою мысль еще более ясно, заметив, что с фразой Энгельса о Балзаке и Золя можно соглашаться и можно не соглашаться — это не будет нарушением принципов марксизма. Нельзя противопоставлять натурализм реализму: натура-

1 Горький «Правда», 18 июня 1937 г. № 166 (7132).

2 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, стр. 164.

Декада киргизского искусства в Москве. Сцена из второй картины музыкальной драмы «Алтын-кыз» — разгром басмачей. Фотохроника ТАСС.

К спорам о натурализме

Обсуждение выставок «Двадцать лет ВЛКСМ» и «Индустрия социализма» вызвало среди художников горячую дискуссию о натурализме.

Споры эти весьма своеобразны. Общественное мнение нашей страны высоко ставит реалистическое изображение жизни и отражает всякого рода формалистические кривляния. Но под флагом реализма часто выступает бездушие, много объективное воспроизведение внешнего облика жизни. Об этих отрицательных явлениях в искусстве превосходно писал А. М. Горький:

«... Натурализм технически отмечает — фиксирует» факты: натурализм ремесло фотографов, а фотограф может воспроизвести, например, лицо человека только с одной, скажем, печальной улыбкой для того же, чтоб дать это лицо с улыбкой наименьшей или наибольшей — он должен сделать еще и еще снимок. Все будет более или менее «справда», но правда только для той минуты, когда человек жил реально или грезил, или радовался. Но «справда» о человеке во всей ее сложности фотограф и натуралист изображать бессильны».

Редакционные статьи «Правда» всегда призвали к борьбе против всякого рода фальши в искусстве, в том числе и натуралистической фальши. От этих принципиальных установок нет никаких оснований отказываться. Однако происходящие в настоящее время споры о натурализме создали вокруг этого вопроса известную путаницу. Некоторым из участников дискуссии показалось сомнительным даже существование натурализма, как чего-то отличного от правдивого, реалистического изображения жизни, как чего-то противоположного реализму в искусстве. Во время обсуждения выставки молодых художников, посвященной 20-летию ВЛКСМ, академик Е. М. Ярославский высказался следующим образом: «Известно, что французский писатель Золя — основатель школы натуралистического романа. Золя писал великие романы. Если наши художники изображают так шахтеров, как их описывал Золя, это будет хорошо» («Советский артист», № 21/227 от 12 апреля 1939 года).

Пример т. Ярославского послужил началом обширных споров о Золя и его значении в истории литературы.

Известно, что Энгельс считал Балзак «гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего»¹. Это отнюдь не проявление личного вкуса. Энгельс подчеркивает здесь глубокое различие между классическим реализмом Балзака и последующей, более низкой ступенью развития буржуазного искусства, которая выдвинула натуралистические идеи.

Как мы дальше покажем, Золя наиболее силен как художник там, где он разрабатывает пути собственной натуралистической эстетики.

На обсуждении выставки «Индустрия социализма» т. Ярославский сформулировал свою мысль еще более ясно, заметив, что с фразой Энгельса о Балзаке и Золя можно соглашаться и можно не соглашаться — это не будет нарушением принципов марксизма. Нельзя противопоставлять натурализм реализму: натура-

1 Горький «Правда», 18 июня 1937 г. № 166 (7132).

2 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, стр. 164.

сты тоже реалисты, заметил т. Ярославский, пояснив, что натурализм происходит от слова «натура», а в приближении художника к натуре нет ничего плохого. (См. отчеты о дискуссиях в газетах «Советское искусство» и «Советский артист»).

Это рассуждение кажется чрезвычайно странном. Из него вытекает, что нет никакого различия между натуралистическим бездушием и подлинной правдой изображения, той правдой, которую, по выражению Горького, «фотограф и натуралист изображают бессильны». От обсуждения конкретных произведений живописи до интересного вопроса о роли Золя в истории литературы — дистанция огромного размера. Но если уж этот вопрос затронут в прошлой дискуссии, необходима полная ясность.

Что же такое натурализм? Не является ли это понятие бесцельной абстракцией, которая может только запутать художника? И да, и нет. Натурализм — бессильная абстракция, если применять этот термин объективно, ко всем историческим эпохам, руковедущая только его происхождением от слова «натура». Натурализм — конкретное понятие, если мы вкладываем в него определенное историческое содержание. Натурализм, как художественное течение и как доктрина, сложился во второй половине XIX века. Его появление свидетельствовало о начале упадка классической литературы буржуазного общества, которое успело дать миру Гете и Шиллера, Стендаля и Балзака, Диккенса и Теккерея. Духовная мощь покинула буржуазную культуру. Место Сен-Симона и Гегеля заняли Гюгено Конт, Тэн и другие представители «позитивизма». Эти люди не были бездарностями, но уровень их мышления оказался гораздо более низким, несмотря на всю их гордость своей близостью к «натуре».

Нечто аналогичное произошло также во всей области искусства. Золя, который с чуткостью выдающегося человека собрал военно-принципиальные черты натурализма, критикует Балзака за то, что созданные им положения необычайны, а человеческие образы слишком грандиозны. «Интерес произведения», — писал Золя, — не заключается уже в необычности... происхождения; напротив, чем оно банальнее и обычнее, тем более будет оно типичным».

Правдивое отождествляется здесь с посредственным и повседневным. Героем должен быть средний человек, занятый делом мелкими делами, изображенный в случайном повороте, без всякого вмешательства той артистической силы, которая создала в классическом искусстве чудеса композиции, блеск колорита, красоту и совершенство формы.

Натуралистическое понимание искусства соответствовало целой эпохе в развитии буржуазной культуры. В живописи эти тенденции всегда переплетались с ремесленно-академическим и салонным искусством. Развитие натурализма само привело к тому разложению формы, которое так ярко проявилось в различных течениях французской живописи конца XIX, начала XX века. Подобно тому, как анархическая полнота есть оборотная сторона полноты либеральной и реформистской, так в изобразительном искусстве формалистические гримасы являются наказанием за грехи натурализма. Оба эти явления тесно связаны друг с другом и целиком уместаются в рамках буржуазного кругозора.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

Тов. Ярославский не сумел доказать, что замечание Энгельса о Балзаке и Золя несправедливо. Но как же быть с произведением Золя? Художественные достоинства этого замечательного писателя общезвестны. Известно также, что Золя был основоположником натуралистической эстетики, изложенной им в «Экспериментальном романе», предисловии ко второму изданию «Горького Раяна», монографии об Эдуарде Мане и т. д. Тов. Ярославский не сумел доказать того, что сила Золя как романиста вытекает именно из этой его натуралистической эстетики. Наоборот — достоинства романов Золя могли развиваться только вопреки ограниченности натурализма. Золя — выдающийся художник, натурализм — ложное направление. Между этими двумя положениями есть определенное противоречие. Но это противоречие взято из самой истории литературы.

Тов. Ярославский безусловно прав, говоря, что многие романы Золя относятся к реалистической литературе, образом которой являются произведения Балзака. Это хорошо понимал и сам Золя. Он пишет: «В настоящий момент во Франции нет ни одного значительного романиста, у которого не было бы в жилах хоть несколько капелек крови Балзака». Всякое подлинное искусство реалистично, хотя бы и вопреки одажды принятой автором ложной позиции, в данном случае позиции натурализма. И Золя во многих романах (далеко не во всех) подымался над натурализмом, имея в жилах несколько капелек крови Балзака. Отсюда следует, что Энгельс был прав. Отсюда следует также, что художественное достоинство романов Золя не может служить оправданием для плохих картин Богородского, Вибикова, Челдина и др.

Подобно всякому общему понятию термин «натурализм» следует употреблять осторожно, не превращая его в ярлык, искажающий сложность живого развития искусства. Далеко не все недостатки, которые отмечает и должна отмечать критика, применяющая к нашей живописи высокие художественные критерии, проистекают из сознательного следования какой-нибудь неправильной теории — будь это теория натурализма или какая-нибудь иная теория. Многие вырастают из простого неумения, отсутствия хорошей школы и чаще всего — из недостаточного серьезного, ответственного, идейного отношения к своему труду. Коммунистическое воспитание работников искусства — дело огромной важности, но одним из элементов этой воспитательной работы является преодоление бюрократически трезвонных, фотографических, официально-холодных приемов окончательно выродившегося натурализма.

Напомним в этой связи замечательные слова Балзака из этой же философской повести «Неведомый шедевр»: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но в том, чтобы ее выразить. Ты не жалкий копировщик, а поэт. Попробуй, снимки гипсовую форму с руки своей возлюбленной и положи эту форму перед собой, — ты увидишь ужасный труп без малейшего сходства, и тебе придется искать реза и художника, который, не давая точной копии, передаст движение жизни. Нам надо схватывать смысл, облик вещей и сущность».

ОТ РЕДАКЦИИ:
Печатаю эту статью, редакция открывает обсуждение творческих вопросов изобразительного искусства.

«Ваштангов»
Вчера, 29 мая, исполнилась 17-я годовщина со дня смерти выдающегося режиссера, основателя театра им. Ваштангова, Евгения Багратионовича Ваштангова.

Издательство «Искусство» выпустило из печати книгу Н. Зографа «Ваштангов», представляющую собой творческую биографию Е. Б. Ваштангова. В ближайшее время это же издательство выпустит вторую книгу — «Ваштангов» (дневники, письма и заметки). Составители сборника: Н. М. Ваштангова, Л. Д. Вендровская и Б. Е. Захава. Вступительные статьи в сборнике написаны: П. Г. Антопольским («Детство и юность») и Б. Е. Захава («Творческий путь»).

«Путь к победе»
на сцене
Завтра, 31 мая, театр им. Ваштангова покажет премьеру — пьесу А. Н. Толстого «Путь к победе». Постановщики спектакля: народный артист республики Р. Н. Симонов, заслуженный деятель искусств Б. Е. Захава и К. Я. Миронов. Художник спектакля В. С. Басов.

Заслуженный артист республики И. М. Рапопорт выступит в роли В. И. Ленина, народный артист республики Р. Н. Симонов — И. В. Сталина.

В ближайшие спектакли «Путь к победе» будут показаны 4 и 6 июня.

«СПРАВОЧНИК ПО СОВЕТСКОМУ ТЕАТРУ»
В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

«Ваштангов»
Вчера, 29 мая, исполнилась 17-я годовщина со дня смерти выдающегося режиссера, основателя театра им. Ваштангова, Евгения Багратионовича Ваштангова.

Издательство «Искусство» выпустило из печати книгу Н. Зографа «Ваштангов», представляющую собой творческую биографию Е. Б. Ваштангова. В ближайшее время это же издательство выпустит вторую книгу — «Ваштангов» (дневники, письма и заметки). Составители сборника: Н. М. Ваштангова, Л. Д. Вендровская и Б. Е. Захава. Вступительные статьи в сборнике написаны: П. Г. Антопольским («Детство и юность») и Б. Е. Захава («Творческий путь»).

«Путь к победе»
на сцене
Завтра, 31 мая, театр им. Ваштангова покажет премьеру — пьесу А. Н. Толстого «Путь к победе». Постановщики спектакля: народный артист республики Р. Н. Симонов, заслуженный деятель искусств Б. Е. Захава и К. Я. Миронов. Художник спектакля В. С. Басов.

Заслуженный артист республики И. М. Рапопорт выступит в роли В. И. Ленина, народный артист республики Р. Н. Симонов — И. В. Сталина.

В ближайшие спектакли «Путь к победе» будут показаны 4 и 6 июня.

«СПРАВОЧНИК ПО СОВЕТСКОМУ ТЕАТРУ»
В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

«Ваштангов»
Вчера, 29 мая, исполнилась 17-я годовщина со дня смерти выдающегося режиссера, основателя театра им. Ваштангова, Евгения Багратионовича Ваштангова.

Издательство «Искусство» выпустило из печати книгу Н. Зографа «Ваштангов», представляющую собой творческую биографию Е. Б. Ваштангова. В ближайшее время это же издательство выпустит вторую книгу — «Ваштангов» (дневники, письма и заметки). Составители сборника: Н. М. Ваштангова, Л. Д. Вендровская и Б. Е. Захава. Вступительные статьи в сборнике написаны: П. Г. Антопольским («Детство и юность») и Б. Е. Захава («Творческий путь»).

«Путь к победе»
на сцене
Завтра, 31 мая, театр им. Ваштангова покажет премьеру — пьесу А. Н. Толстого «Путь к победе». Постановщики спектакля: народный артист республики Р. Н. Симонов, заслуженный деятель искусств Б. Е. Захава и К. Я. Миронов. Художник спектакля В. С. Басов.

Заслуженный артист республики И. М. Рапопорт выступит в роли В. И. Ленина, народный артист республики Р. Н. Симонов — И. В. Сталина.

В ближайшие спектакли «Путь к победе» будут показаны 4 и 6 июня.

«СПРАВОЧНИК ПО СОВЕТСКОМУ ТЕАТРУ»
В Нью-Йорке вышел на английский язык обстоятельный «Справочник по советскому театру», составленный проф. Г. У. Л. Дана, известным знатоком советского театра, неоднократно посещавшим Советский Союз. Проф. Дана дает краткие характеристики основных театров Советского Союза, списки русских и иностранных пьес, идущих в советских театрах, перечни советских опер, балетов и основных кинофильмов. Все разделы книги снабжены подробной библиографией книг и журнальных статей на русском, английском и других языках.

«Ваштангов»
Вчера, 29 мая, исполнилась 17-я годовщина со дня смерти выдающегося режиссера, основателя театра им. Ваштангова, Евгения Багратионовича Ваштангова.

Издательство «Искусство» выпустило из печати книгу Н. Зографа «Ваштангов», представляющую собой творческую биографию Е. Б. Ваштангова. В ближайшее время это же издательство выпустит вторую книгу — «Ваштангов» (дневники, письма и заметки). Составители сборника: Н. М. Ваштангова, Л. Д. Вендровская и Б. Е. Захава. Вступительные статьи в сборнике написаны: П. Г. Антопольским («Детство и юность») и Б. Е. Захава («Творческий путь»).

«Путь к победе»
на сцене
Завтра, 31 мая, театр им. Ваштангова покажет премьеру — пьесу А. Н. Толстого «Путь к победе». Постановщики спектакля: народный артист республики Р. Н. Симонов, заслуженный деятель искусств Б. Е. Захава и К. Я. Миронов. Художник спектакля В. С. Басов.

Заслуженный артист республики И. М. Рапопорт выступит в роли В. И. Ленина, народный артист республики Р. Н. Симонов — И. В. Сталина.

Тов. Ярославский не сумел доказать, что замечание Энгельса о Балзаке и Золя несправедливо. Но как же быть с произведением Золя? Художественные достоинства

Шота Руставели на сцене

В мае театральный коллектив Дома пионеров Фрунзенского района показал ребятам Москвы свою новую постановку «Витязь в тигровой шкуре». Спектакль прошел в Парке культуры и отдыха им. Мандельштама и в Московском доме ученых.

Впервые в СССР сделана попытка драматизации и сценического показа бессмертного творения великого грузинского поэта. Много дерзости и наивности в том, что эта первая постановка Руставели на театре осуществлена не профессиональным театральным коллективом, а 15-летними школьниками.

Но это лишь подчеркивает значение прошедшего события.

Драматические сцены «Витязя в тигровой шкуре» сделаны детским писателем С. Розановым. Автор широко и удачно использовал в своей работе лучшие русские переводы Ш. Руставели.

Эпический склад поэмы, столь богатой лирическими отступлениями, послесловиями и вставными картинками и эпизодами, затрудняет, конечно, если не делает вообще невозможной, точную ее инсценировку. Нельзя из строки в строку, из песни в песню передать со сцены зрителям содержание поэмы, действие которой идет на протяжении десяти лет, переносит из страны в страну буквально в мгновение ока.

Но композиция «Драматических сцен» все же отражает в себе основную тему «Витязя в тигровой шкуре» — тему идеальной любви и самоотверженной дружбы, столь близкую советскому юношеству. Также сохранена и основная сюжетная линия поэмы — любовь Таризала и Нестан Дареджан, их разлука и освобождение Нестан из

плена Таризалем, Автадиллом и Фридоном.

Режиссер спектакля А. Гроссман привнес много хорошей выдумки в работу над этой инсценировкой. Генеральные сцены Руставели доходят до юного зрителя. Три прошедших спектакля доказали это вполне. Выразительность и поэтичность стихов Руставели режиссер только подчеркивает. Удачно музыкальное оформление спектакля. Музыка Паганини, Гаджибекова и Глиера несет в себе много национальных, родных Руставели мотивов.

Мало поработали над спектаклем художники. Костюмы претензиозны, в них много от провинциальной оперности и мало от мудрости и глубины Руставели. Золотая мишура, полуазиатская пышность никак не передают чуждой простоты древней Грузии, которую мы знаем так хорошо по памятникам грузинской старины, по величавой скромности хотя бы доспехов и оружия Грузии.

Скромно, совсем незамеченным прошел этот интересный спектакль, лишней раз доказавший, что наш юный зритель прекрасно понимает и чувствует большое искусство, вне зависимости от его будто бы «взрослого» назначения.

Скромность эта о большом достоинством декларирована автором и исполнителями спектакля в последнем, завершающем его четверостишии:

Все, что здесь мы вам играли,
декламировали, пели,
Это только лишь крупинки всей
поэмы Руставели.
Он в поэзии бессмертен, равен
солнцу — так могуч,
Мы же — капля дождя,
отражающая луч.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ.

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Бюро национальных комиссий ССР СССР посетило последнее свое заседание доклады тов. А. Держана о литературной жизни татарских писателей Крыма.

Писательская организация Симферополя, — рассказав А. Держану — объединяет большую группу прозаиков, поэтов и драматургов, давших татарской советской литературе ряд интересных произведений.

Поэт и прозаик Шамиль Алятинов, являющийся ответственным секретарем писательской организации, — автор двух сборников стихов «Земля смеется» и «Песни черной горы» и книги «Ты ли смейся». Он дал несколько прозаических вещей, в частности, его повесть для детей старшего возраста — «Шайдала» была премирована на конкурсе крымских писателей.

Интересно работает Рахим Тычтерев. Его пьеса «Алтайские горы» была поставлена в Татарском государственном театре. Недавно он закончил новую пьесу «Ночь под луной». У Тычтерева есть и сборник стихов. Писатель переводит на татарский язык произведения Горького, Салтыкова-Щедрина, Островского.

Прозаик Юсуф Болат пишет исторический роман о легендарном крымском разбойнике Алим. Им Алим овеяно множество мелодраматических историй, но Юсуф Болат поставил себе задачей воссоздать его образ по историческим и архивным материалам.

В области детской литературы работает поэт Осман Амит, выступивший недавно с сборником детских стихов и переводов на

татарский язык басни Крылова, «Сказку о рыбе и рыбке» и другие произведения. У него есть и сборник стихов для взрослых — «Первая борода».

Большую переводческую работу ведет писатель Алим Алим, сделавший достоянием татарских читателей произведения русской и иностранной классической литературы. Он перевел «Джентльмена», «Гоголя», «Шекспира», «Мюму», Тургенева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаев» Фурманова. Алим Алим выпустил книгу оригинальных стихов «Стальная молеcula».

Большую поэму о Сталине пишет Махмуд Сулейман, автор многих оборонных стихов и стихов о Перекое.

Среди русских писателей Крыма особенно интенсивно работают поэт В. Петровский, прозаик Фейгин и драматург Буль, чья пьеса которого принята и поставлена Татарским государственным театром.

В ближайшее время в Симферополе состоится общее собрание писателей, посвященное преобразованию существующего ныне оргкомитета — в правление союза писателей Крыма.

Тов. Евгений информировал бюро о том, что Гослитиздат переводит на русский язык классическую крымско-татарскую поэму о совместном походе татар и украинцев против поляков в XVII веке. Издание этой поэмы и сборника произведений писателей Крыма включено в план Гослитиздата на 1940 год.

XI том «Литературной энциклопедии»

После продолжительного перерыва возобновился выход «Литературной энциклопедии».

Из печати вышел XI том «Литературной энциклопедии», включающий слова от «Станом» до «Фортугуарри».

В этот том, между прочим, вошли статьи: Г. Пospelова «Стиль», П. Михайлова и Б. Михайлова «Сюжет», Л. Тимофеева «Форма и содержание», Е. Кокина — «Трагедия», А. Беленко, Е. Кириллова и

Л. Подгайного — об украинской литературе, Л. Тимофеева, И. Троицкого и М. Штогмара — о стихосложении, Ю. Соколова — о фольклоре, в также статьи об отдельных писателях, в том числе М. Юювич о Л. Толстом, Р. Миллер-Буданниковой — о Л. Фейхтвангере, Р. Мессер — об А. Толстом, Е. Тагера — о Ю. Тынянове, Ф. Левина — об А. Фадееве, Л. Полякова — о К. Федине, Л. Подгайного — о П. Тычине, А. Малинкина — о Н. Тихонове и др.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ

НА ЯЗЫКЕ ШОРСКОГО НАРОДА

НОВОСИБИРСК. (От наш. корр.). На стыке горных хребтов Алтая и Саян живут 15-тысячный шорский народ. До революции у шорцев, как и у многих других — тогда вочуждых — народов Сибири, не было письменности. Голубые горы Шорки были «гиблым краем», как писал об этом сибирский бытописатель Н. И. Наумов.

Быт затерян в тайге человек, Одинок он жил свой век, И в таежной глуши рождал Умирал одиноким он.

Революция дала шорскому народу письменность. Появились свои писатели и поэты. Выросли кадры переводчиков. Благодаря их работе шорский народ познакомился с выдающимися произведениями русских классиков. На шорский язык переведены три сказки А. С. Пушкина, отрывки из поэмы «Цыганы», «Звонки», «Левша» и другие стихи. Переведены «Марк Чуда», «Песня о соколе» и «Буревестник» А. М. Горького. Названы басни И. А. Крылова. В ближайшее время выйдут из печати «Три медведя» Л. Н. Толстого, «Дубровский» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина.

Большим успехом у шорцев пользуются «Сказка о попе и работнике его Балды», которую нередко декламируют на вечерах пожилые люди, помнящие миссионерско-жандармские насиливания с серебряными крестами.

Обо всем этом говорилось на последнем собрании новосибирских писателей, посвященном творчеству молодого шорского писателя Ф. Чиснякова, которому принадлежит большинство переводов русских классиков на шорский язык.

Произведения молодых шорских писателей до сих пор печатались только в газетах. В этом году Новосибирское издательство впервые выпустило книгу Ф. Чиснякова, в которую войдет два рассказа и до 1000 строк стихов. А в 1940 г. будет издан сборник произведений Ф. Чиснякова в переводе на русский язык. Рассказы «Шолбан» и несколько стихотворений, принадлежащих перу этого писателя, переведены на русский язык и напечатаны в журнале «Сибирские огни» и в книге «Новая Шория».

Шорские сказки русскому читателю совершенно не были известны. Сейчас Новосибирское издательство готовит первую книгу шорских народных сказок в переводах сибирских писателей и поэтов.

А. КОПТЕЛОВ

МАРФА КРЮКОВА В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

ДНЕПРОПЕТРОВСК. (От наш. корр.). На днях в Днепропетровск гостила известная северная сказительница орденосица М. С. Крюкова. Из Киева, где она принимала участие в конференции украинских колхозарей и лириков и в работах юбилейного Шевченковского пленума союза советских писателей, она прибыла по Днепру в большой индустриальный центр, чтобы побывать «на великой сталинской заставушке» — Днепрогэсе.

На пути в Днепропетровск Марфа Крюкова сложила свою последнюю замечательную поэму-новину «Славная, хвалящая Днепр-река».

А в настоящее время, во теперешнее, Днепр-река — стоит во спокойе, отдыхает она,

Веселый взор у ней с улыбкой,
По утра по ранному, по восходу солнца
Воспевают на крутых на бережочках
Соловьишка,
Среди денечка белого на солнышке
играет рыба.

По зарнице, по вечерней, по поздному, по вечеру,
Поют песни колхозники со весельем,

В Днепропетровске М. Крюкова встретилась с мастерами искусства, учеными, журналистами, студенческой общественностью города. Выступлением сказительницы предшествовал доклад Викторина Попова. Вечера прошли с огромным успехом.

М. ШЕХТЕР.

Гослитиздат выпустил книгу «Юность Горюха IV» Горюха Манна с иллюстрациями Евгения Когана. На снимке — переплет книги.

Вечер Л. Первомайского

Очередной поэтический декаданс был посвящен творчеству украинского поэта Леонида Первомайского. Первомайский прочел на украинском языке несколько лирических стихотворений 1937—39 гг., «Партизанскую балладу», «Пляч Ярославна», стихи, посвященные памяти Матэ Залка и другие. Переводы стихов Первомайского прочли А. Безыменский, М. Голубинский, Е. Долматовский и П. Антокольский.

Стихи Первомайского были очень высоко оценены всеми, принявшими участие в обсуждении. В. Гольцев говорил о Л. Первомайском как о поэте исключительно оригинальном, обладающем широким историческим кругозором (стихи о Коммуне), большим революционным пафосом (стихи, посвященные памяти Матэ Залка).

Евг. Долматовский считает, что Л. Первомайский ярче всего проявляется как поэт лирический. В отличие от некоторых товарищей, думающих, что Первомайский в вышедшей поэме найдет наиболее полное выражение своих творческих возможностей, Долматовский считает, что задача поэта — органически связать оба направления его творчества.

О большом интернациональном значении творчества Первомайского говорил на декадансе Э. Мадарас. А. Богданов отметил исключительную доходчивость стихов Первомайского, простоту, искренность и ясность его образов. Многие товарищи, выступившие на декадансе, говорили о необходимости шире популяризовать стихи Первомайского, переводя их на языки национальных республик Советского Союза. Многие своевременно и умно поэтому прозвучало выступление А. П. Рябиной, заявившей о том, что Гослитиздат должен в 1940 году выпустить в хороших переводах сборник стихов Первомайского на русском языке.

Очень высоко пожелание — чаще устраивать творческие встречи с поэтами братских республик.

Е. АЛЕКСЕЕВ.

Юбилей П. Н. Яковлева

28 мая литературная общественность Ростова отмечала 15-летний юбилей литературной деятельности популярного детского писателя Полины Николаевны Яковлевой — автора любимых детьми книг «Первый ученик», «Наша вялая» и др., организатора газеты «Ленинские вичуха».

Ко дню юбилея президиум союза советских писателей отправил приветственную телеграмму П. Н. Яковлевой следующего содержания:

«Горько поздравляем вас, Полина Николаевна, с пятнадцатилетней литературной деятельностью, желаем долгой плодотворной работы».

Письма в редакцию

В номере 10 «Огонька» был мною напечатан рассказ «Хитрое перо», в котором передавалась одна давняя история, слышанная мною в начале этого года от Д. Н. Петровской, в свою очередь помнившей ее с детства в передаче одного из друзей, обещанного с крепостной девушкой молодого помещика. Этим основным рассказчиком был И. В. Павлов, приятель И. С. Лескова и И. С. Тургенева. Вся история эта казалась мне такой неподходящей для И. С. Лескова, что я даже в самом рассказе упомянул об этом и не только расспрашивал у людей, хорошо знающих Лескова, нет ли у него такого рассказа, но и сам тщательно искал, не вырвется ли эта история в какое-либо из произведений Лескова.

Каково же было мое удивление и огорчение, когда один из моих читателей указал мне, что история с крепостным же человеком и подвигами подвиги совпадают. Очевидно, до меня дошел мистический вариант одной и той же подлинной истории, которую дал в рассказе, вопреки моему предположению, и И. С. Лесков.

В настоящее время рассказ этот включен в новое издание: «И. С. Лесков. Избранные сочинения», Academia, 1937 г. Это издание, равно как и публикация в «Ливне», мне не были известны. В этом я виноват и об этом считаю долгом довести до сведения читателей. Я, конечно, должен был исчерпывающе полно обследовать Лескова и тогда мой вариант этой давней истории не был бы мною написан.

И. А. НОВИКОВ.

Целый ряд фавбульных поворотов у Лескова Другой, чем у меня, но самый факт попытки помещицы обещать крепостную вместо своего сына с крепостным же человеком и подвигами подвиги совпадают. Очевидно, до меня дошел мистический вариант одной и той же подлинной истории, которую дал в рассказе, вопреки моему предположению, и И. С. Лесков.

Позвольте исправить ошибку, вкравшуюся в III том антологии «Пролетарские поэты», изд. «Советский писатель», 1939 г.

В вступительной статье этой книги составитель В. М. Абрамкин пишет: «Разнообразны и разнохарактерны темы поэтов рабочей печати великого 1917 г. Многообразны и кадры пролетарских поэтов этого периода. Среди них мы найдем и старейших поэтов рабочего класса —

А. Богданова-Волжского, А. Белокурова, А. Ноздрин и др.» (стр. 10). И как бы для иллюстрации сказанного в начале сборника, на 22-й стр. помещено первое, за подписью поэта А. Богданова, стихотворение из торжественных мотивов «За стеной», начинающееся строфой:

Белые снежинки, легкие, пушистые,
Вьются беззаботно, нежные, лучистые.

В «Примечаниях» к сборнику составитель указывает, что «данное стихотворение было напечатано под псевдонимом «Ал. Б-ов» в журнале «Вопросы страхования», 1915 г., № 4, 15 мая, стр. 8».

В интересах истины я должен заявить, что данное стихотворение целиком от первой до последней строки (16 строк) принадлежит пишущему эти строки, а не тов. Богданову. Это стихотворение, одобренное А. М. Горьким, было напечатано в петроградском марксистском журнале «Пролетарские поэты», в 1914 г., № 5, май, стр. 82, под моей сокращенной фамилией «Ал. Б-ов», а затем перепечатано (без уведомления автора) журналами «Наше дело» № 1, январь, и «Вопросы страхования» № 4 — уже в 1915 г. Данное стихотворение целиком вошло в мой сборник «Воскресшие песни», изд. «Зорь», Москва, 1918 г.

Почему оно приписано поэту А. Богданову, — непонятно.

А. Л. БЕЛОЗЕРОВ.

Обращаю внимание составителей сборников «Пролетарские поэты», что при большой добросовестности своих исследований они все же допустили неточности. В III томе поставлена моя фамилия под стихотворением А. Белокурова «За стеной», а в I томе под своим стихотворением «Эту песню не сам я собою сложил» и пародией на гимн «Боже, царя храни» нет никакой подписи.

В примечаниях к моему варианту «Песня пролетариев» высказывается «зверенность», что этот вариант принадлежит мне. Не проще ли было бы обратиться в таких случаях непосредственно к самим авторам?

А. БОГДАНОВ.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОЩИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

Триобретайте облигации государственного внутреннего выигрышного займа 1938 года

Е ЖЕ ГО Д Н О
ПРОИЗВОДИТСЯ
Ш Е С Т Ь
ТИРАЖЕЙ
ВЫГРЫШЕЙ

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ 11.360 ВЫГРЫШЕЙ НА СУММУ 7.668.800 РУБЛЕЙ.

В том числе:

- 8 выигрышей по 25.000 рублей
- 40 выигрышей по 10.000 рублей
- 240 выигрышей по 5.000 рублей
- 2400 выигрышей по 1.000 рублей
- и 8672 выигрыша по 400 рублей

О ЧЕРЕДНОЙ 6-й ТИРАЖ ВЫГРЫШЕЙ СОСТОИТСЯ В МОСКВЕ 10 ИЮНЯ

ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА СВОБОДНО ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.

Главное Управление гострудоберкас и госкредита

ДИСПУТ О ПЬЕСАХ Л. ЛЕОНОВА

Две новые пьесы Леонида Леонова «Половчанские сады» и «Волк» продолжают оставаться в центре внимания литературной и театральной общественности Москвы. Премьеры этих спектаклей в МХАТ СССР им. Горького и в Малом театре вызвали оживленные споры на нескольких совещаниях и на страницах газет. Обсуждению этих пьес и их постановок посвящен диспут, устроенный в Клубе писателей секции драматургов ССР СССР, Художественным и Малым театрами.

Все согласилось, что можно по-разному оценивать драматургические качества пьес Л. Леонова, но судить о них нужно, как о произведениях настоящей художественной литературы.

И. Чичеров, начавший обсуждение, пенял в пьесе «Волк» превосходный язык, силу и остроту в обрисовке врагов, оригинальность драматургических положений, глубину и многообразие образов. Меньше нравится И. Чичерову пьеса «Половчанские сады». Он упрекает автора в том, что тот пошел на компромисс и, под давлением театра, упростил образ Пыляева, задуманного первоначально во врагом, в митицистическом неудачнике. И игра митицистов не отягчается присутствием им высокого мастерства. Театр, по мнению Чичерова, отрубил поэтический смысл пьесы и вызвал справедливые нарекания критики.

— Стало тривиальным, — говорит М. Гус, — каждый раз «открывать» в произведениях Л. Леонова «достоинства». Нужно и можно говорить уже о том, что отличает Л. Леонова от Достоевского, о тех чертах горьковского влияния, которые оберегает писателя от любования юродством и ушат уважению и любви к человеку. В противоположность некоторым критикам М. Гус не считает недостатком пьесы отсутствие в ней законченного подожительного героя.

Пьесе «Половчанские сады» М. Гус резко критикует. Мир мнимый, мир людей, все совершивших, не мучимых никакими проблемами, — все скучно, неподвижно и безжизненно. По мнению М. Гуса, сам художник заскучал в этом эфемерном мире, и ему захотелось спуститься на землю, в круг живых людей и чувств, которые он и обрел в пьесе «Волк».

Против такой характеристики «Половчанских садов» решительно возражает Ч. Марков. — Мир, который видит Л. Леонов, — говорит он, — никогда не бывает остановившимся, а мир «Половчанских садов» полон конфликтов, волнений и предгрозовых тревог. Если проанализировать образы основных героев и линию их поведения, то станет ясно, какая большая и богатая жизнь их показана в пьесе. Художественный театр, — говорит Ч. Марков, — полюбил эту пьесу за то большое поэтическое дыхание, каким она наполнена, за отсутствие в ней сентиментальности и театральных штампов.

А. Гурвич, говоря о «Половчанских садах», считает основной ошибкой Л. Леонова то, что, под давлением театра, драматург «изменил себе» — отказался от своей первоначальной темы одиночества старика Маккавеева. Традиции большой русской литературы, которым следует Л. Леонов, приводят его к созданию интересных и сложных образов. Но автору надо усвоить и еще одну черту великих классиков — верность своей теме, настойчивость и сопротивление тому, что уводит художника от задуманной темы.

В пьесе «Волк» А. Гурвич, как и выступавший на диспуте Я. Эйдельман, в противоположность М. Гусу не чувствует дыхания нашей жизни — как будто пьеса о советских людях написана в XIX веке. Мир героев пьесы замкнут в себе, оторван от окружающей действительности, не потому, что он показан в обстановке частной квартиры, а потому, что в этой частной квартире не бесятся пульсы советской жизни.

По мнению М. Левидова, Художественный и Малый театры снизили ценность

леоновских пьес. МХАТ прямолинейно и натуралистически поставил «Половчанские сады» и заглушил подтекст и поэтическое дыхание вещи. И хотя обе пьесы не удовлетворяют М. Левидова в драматургическом отношении, он считает их талантливыми, открывающими большую дорогу советской драматургии.

Естественно, что на совещании много говорилось о критике пьес Л. Леонова в печати. Единственное возражение вызвала статья Д. Тальникова о «Волке», опубликованная в «Советском искусстве». Одни критиковали статью за то, что она, став опытным театроведом Д. Тальников приписывает вину Малого театра — примитивную трактовку образов — автору пьесы. Другие — за то, что критик проводит в статье неуместные параллели, сопоставляя, как равноценные литературные явления, произведения подлинного художника со слабыми пьесами, порой стоящими вне критерия литературы. Большое возмущение у многих вызвал и тон статьи Д. Тальникова, П. Павленко, И. Судаков, И. Чичерова, А. Глебов решительно возражали А. Гурвичу и Я. Эйдельману, отстаивавшим право критика на любой, самый резкий тон, если он не вызван побочными соображениями.

— Советский критик, организатор общественного мнения, — сказал в своей речи П. Павленко, — обязан анализировать художественное произведение и не имеет права помянуть этот анализ хлесткой бранью. Никакая запальчивость и горячность критика не обязат писателя, если он продиктованы любовью к литературе, к искусству, желанием помочь художнику. Этой любви к искусству не видно в рецензиях Д. Тальникова. Чем помог он Л. Леонову, большому советскому художнику, написав грубую, неверную статью?

И. Судаков в своем выступлении указывает, что некоторые критики не видят, в чем особая ценность пьес «Волк». Это — переломная пьеса, и после нее нельзя уже возвращаться к «Тенкоусу» и «Огням маяка». В рецензии Д. Тальникова

ва начисто зачеркнуты все достоинства произведения Л. Леонова и работа над ним Малого театра. Театр, любовно работавший над постановкой «Волка», и в дальнейшем будет искать не прямолинейных, любовных пьес, а такую же острую, оригинальную и талантливую вещь, как пьеса Л. Леонова.

М. Левидов заметил, что полное непонимание пьесы «Половчанские сады» проявил в своей рецензии в «Комсомольской правде» Б. Розенштейн. Вместо того, чтобы проанализировать пьесу, он вульгарно и примитивно высмеял ее.

Очень кратко был в своем выступлении Л. Леонов. Он сказал, что резкая критика не убедила его. Критики волны как угодно относиться к его произведению, но автор вправе требовать от них более высокого уровня, чем тот, на котором до сих пор шел спор о «Половчанских садах» и «Волке».

Е. ПЕЛЬСОН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция «Литературной газеты» считает справедливым поступок организаторов диспута, разославших от имени драматической ССР, Малого театра и МХАТ приглашение, в тексте которого сказано:

«Секция считает, что тон, взятый рядом газет («Советское искусство», «Московский большевик», «Комсомольская правда»), не соответствует правильной оценке творчества Л. М. Леонова как драматурга. Диспут должен выявить подлинное отношение драматургической и театральной общественности к новым пьесам Л. Леонова и к их осуществлению на сценах Малого и Художественного театров».

Организаторы диспута допустили ошибку, рассылав от имени секции драматургов повестку, в которой высказали определенную точку зрения на явление искусства, суждения о котором секция не имела. Это неправильно также и потому, что, приглашая на диспут, который должен был отразить различные точки зрения, организаторы его пытались заранее предопределить направление прений и тем косвенно повлиять на состав участников диспута.